Малина Эл

АДРЕС СЕРДЦА

Книга 1. Останется в лагере?

Малина Эл

Адрес сердца: Останется в лагере?

https://litres.ru/73868246
SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, Полярная звезда указывает путь домой, но порой она ведёт нас туда, где мы больше всего нужны.

Последнее пионерское лето занесло Витю на другой конец Союза. Вместо долгожданной встречи с друзьями — чужие лица лагеря «Большая медведица». Теперь либо он станет своим, либо проведёт следующие три недели в одиночестве. К тому же нужно присматривать за сестрой.

Ира вернулась в лагерь детства помощницей вожатого. Будучи старшеклассницей и комсомолкой, она готова доказать, что достаточно взрослая, чтобы вести за собой других. Но быть вожатой — это не просто носить красный галстук и строить детей по парам. Заслужить авторитет оказалось непросто.

Южный ветер гуляет в кронах сосен, за ними до горизонта простирается море. Полные взбудораженных детей автобусы тормозят у ворот. Витя и Ира ещё не знают, что это лето станет для них дорогой к самим себе.

Содержание

Глава 1. Комсомолка Кравцова 4
Глава 2. Морской бой 23
Глава 3. Линейка открытия 42
Глава 4. Кружок сухопутных крыс 62
Глава 5. Игра в дураков и Короля 76
Глава 6. Валет — звучит гордо? 86
Глава 7. Колючие 100
Конец ознакомительного фрагмента. 110

Малина Эл
Адрес сердца: Останется в лагере?

Глава 1. Комсомолка Кравцова

За автобусным окном, исчерченным дождевыми каплями, мелькают и уносятся прочь ровные сосны. Огромные, рыжие, совсем как те, что остались дома. Но между ними то и дело вспыхивает бескрайняя синева. Море! Вот же оно, рукой подать!

Первая смена в лагере, две тысячи километров от дома — внутри всё сжимается от восторга и волнения одновременно. Впереди целый мир, доступный лишь счастливчикам с заветной путёвкой в кармане!

Вспоминается Витя: как он возвращался со смен, пахнущий дымом и лесом, взахлёб рассказывал о приключениях, друзьях и вожатых. И глаза его горели каким-то особенным огнём.

Словно в кино, представлялось, как, отсчитывая новый день, трубил горящий золотом в лучах утреннего солнца горн, и как рассказывали после отбоя лагерные страшилки и легенды. Отрядный уголок, что украшали всем коллекти-

вом целый вечер, стенгазета с самыми свежими новостями у столовки. Зарница, речка, тайные симпатии и дискотеки

А по вечерам туман таял в жарком пламени костров. Брат вспоминал, как собирались друзья у огня и звучала гитара. Тогда проходили самые искренние разговоры и пели всем известную и дорогую сердцу пионера “Взвейтесь кострами синие ночи!...”

А дальше — прощания, чемоданы, набитые шишками, грамотами, подписанными отрядными фотографиями и поделками. Автобусы и поезда уносят ребят по разным городам и посёлкам, и, возможно, они больше никогда не увидятся.

Но навсегда останутся в памяти друг друга. А это ведь уже немало, правда?

За окном показались ворота и вывеска: Пионерский лагерь “Большая медведица” при РГУ.

Сердце пропускает удар, и пальцы крепче сжимают кожаную ручку сумки. Вот оно. Начинается!

* * *

Утро первого дня смены ознаменовалось плохой погодой. Ещё прошлым вечером небо затянули хмурые тучи, а ночью начался шторм. Волны одна за другой с разбега бились о песчаный пляж, рассыпаясь пенистыми брызгами, и среди всей этой какофонии кричали чайки. В воздухе витал отдающий йодом запах водорослей и морской соли.

Так встретил пионерский лагерь “Большая медведица” третью смену лета 1981 года.

Иру Кравцову непогода не пугала — она любила “Медведицу” любой, а в морской стихии видела свободу. Особенно теперь, на фоне бури, разыгравшейся в их квартирке в ведомственном доме.

До прибытия автобусов оставалось около часа, подготовка к встрече детей была завершена, поэтому вожатые с радостью укрылись от непогоды в комнате для планёрок. Паша Большаков, Ирин напарник, притащил из столовой чайник со свежезаваренным чаем и ватрушки. Пар не спеша поднимался к потолку, раскачивая мушиную липучку. Вожатые беззаботно болтали, делясь ожиданиями от смены и вспоминая смешные истории из прошлых поездок. Многие знали друг друга не один год. На этой смене вожатыми приехали четверокурсники исторического факультета РГУ (Ростовского государственного университета), а их помощниками — студенты, только окончившие 1 курс, состоящие в СПО (студенческом педагогическом отряде). Также помощниками вожатых взяли Иру и ещё одного старшеклассника в качестве общественной нагрузки на лето.

— А помните, Синицыну с третьей смены? — вожатый 1 отряда Миша, подскочил с дивана, и принялся шагать по комнате, экспрессивно размахивая руками. Освободившееся место рядом с Ирой сразу заняла Наташа, уютно поджав под себя ноги. — Дети меня за день так вымотали, что сам

задремал на сончасе, а эта хулиганка на спор разукрасила меня зелёнкой! Я потом неделю до конца отмыться не мог!

Ира и Наташа расплылись в улыбках. Та смена и правда выдалась на редкость богатой на происшествия.

— А по-моему, весело было, — Наташа, лёгким движением стряхнула сахарную пудру с кончиков пальцев, — Отмылся же в конце-концов, зато на всех мероприятиях важнее Юлии Сергеевны выглядел в своей рубашке!

Миша шутливо поморщился.

— Ой, Наташка, гляди в оба: в этом году Синицына в твоём отряде!

Наташа Котова была старше Иры на два года. Они подружились ещё в песочнице: родители работали в одной лаборатории и хорошо общались. Когда в один из майских вечеров Ира узнала, что Наташу взяли в “Медведицу” вожатой, в ту же минуту бросилась в комитет комсомола просить об общественной нагрузке на лето. Просьбу одобрили! Гораздо сложнее было отпроситься у мамы.

— Ирка, тебе рубашку не жалко? — полюбопытствовал Ваня Морозов. — Морось такая, а ты как на парад вырядилась. Или перед Юлькой хочешь выпендриться?

— Не Юлькой, а Юлией Сергеевной, — с важным видом поправила Ира.

Впрочем, совсем по-детски показать язык вредному напарнику Наташи Ира себе тоже позволила. Что за манера, быть таким назойливым?

В “Медведице” вожатые надевали парадную форму только на линейки, в остальное время ограничивались вожатскими галстуками. Они отличались от пионерских более тёмным оттенком красного и б*о*льшим размером. Дети же вне линеек не носили и галстуки — активное времяпрепровождение не шло форме на пользу. И только старшая вожатая Юлия Сергеевна всегда была “при параде”, что вызывало у новеньких недоумение, но, несомненно, прибавляло авторитета.

— Вань, не будь занудой, — Наташа подтолкнула к парню уже полупустой чайник. — Лучше чай попей.

Ира бережно разгладила накрахмаленные рукава рубашки. У самого сердца оттягивал ткань алый, отполированный до блеска комсомольский значок. Сразу видно: представительница идеологического сектора комсомола!

Миша со Светой затеяли проверить магнитофон для дискотеки, и, пока Наташа отвлеклась на какой-то хит, Ира в предвкушении пробежалась по списку своего отряда. Имена, фамилии, отчества, города и возраст — 9-10 лет. 30 человек. Пока безликие строки, не считая кратких характеристик из школ, но за каждой стоит отдельная личность, и за них Ира будет в ответе следующие 3 недели. Она станет для ребят настоящим авторитетом, почти старшей сестрой, и мысль о собственном вкладе в жизнь лагеря грела душу. А ещё — немного льстила чувству собственной важности.

Ира сделала несколько заметок в блокноте. “Стас Лазарев имеет характеристику хулигана с ярко выраженными ли-

дерскими качествами, могут возникнуть конфликты. Двое с ослабленным здоровьем: Антон Бобров и Лера Соловьёва. Диагнозы не разглашать”.

— Ты так и не рассказала про Лену, — прошептала Наташа, легонько подтолкнув подругу в бок. — Новость такая громкая, неужели правда?

Ира со вздохом захлопнула блокнот. Поделиться хотелось. Очень. Да и Наташка не отстанет, вернулась с практики в деревенской глуши, а тут такое происшествие. Рассказать или нет? Мама всегда говорила: “Сор из избы не выносят”. Тем не менее новость уже вторую неделю обсуждал весь их университетский подъезд. “Интеллигенция или нет, а сплетни, видимо, любят все”, — вздохнула Ира.

— Правда, — зашептала на ухо подруге Ира. — Мама в её сумке талон на приём к врачу нашла, сразу догадалась. Лена, представь, довольна: изначально скрывать не хотела.

Брови подруги, подпрыгнув, скрылись за кудрявой чёлкой.

— А ты говорила: “Евгений такой зануда, Евгений только кодексы да конституцию читает” — протянула подруга через минуту молчания. — А теперь ты уже весной тётей станешь.

Ира поджала губы.

— Да уж. Не врут про тихий омут.

Наташа заправила кудряшки за уши, кажется, уже жалела, что подняла неприятную для Иры тему.

— Как тётя Катерина?

— Мама в ярости, конечно, — хмыкнула Ира, вспоминая разбитую вдребезги китайскую вазу. — Целый допрос Ленке устроила, до сих пор друг с другом сквозь зубы разговаривают.

— Как же так, — пробормотала Наташа, — всего-то последний курс оставалось доучиться. Как она теперь будет?

— Честно — не знаю. Мама сказала, что Лена взрослая, вольна решать сама, как жить. Сестра только рада.

Ира задумчиво потёрла лоб.

— Чудо, что мама меня вообще отпустила в лагерь, с такими-то новостями.

— И правда, как ты это провернула?

— Думаю, она не хочет, чтобы соседи меня вопросами донимали — лето перед выпускным классом же. Нервы беречь нужно, — Ира вдруг повела плечом, отбрасывая меланхолию, и бодро улыбнулась. — К слову, родители уже договорились с коллегой, будет меня готовить к вступительным экзаменам.

— Ого, это же стоит целое состояние, наверное! Здорово, правда, — просияла Наташа. — Ты сама-то как? Рада?

— Конечно, — пожала плечами Ира. — Конкурс огромный, репетитор будет очень кстати. Сама я ещё в июле начала готовиться.

Ира уже пару лет как решила, что будет поступать на физфак РГУ. Пойдёт по стопам родителей, продолжив семейную династию.

— Главное отдыхать не забывай, как там говорят — Наташа щёлкнула пальцами. — Точно! Это не спринт, а серьёзный марафон.

— Естественно, Наташ, у меня же ещё комсомол, как ребята без меня?

Рядом на диван плюхнулся Паша.

— Ирка, ну как настрой?

— Я настроена на плодотворную смену, — с готовностью в очередной раз повторила Ира. — Детям крайне важно найти идеологический ориентир, а мы им в этом поможем. Ещё хочу вести занятия в “Капитанах”, — добавила она уже более непринуждённо.

— Ты методичек, что ли, перечитала? — прыснул Паша. — Если нервы шалят

— Не шалят, — настойчиво перебила Ира. — Я справлюсь.

— Если помнишь, ребят обычно девчонки встречать начинают, а парни с багажом помогают. Можем вместе встречать, ребята и без меня чемоданы дотащат.

— Ты не думай, что раз я школьница, то ничего не умею, — снисходительно рассмеялась Ира. — Культмассовая работа — моя прямая обязанность в комитете.

— Лады, тогда не вмешиваюсь, — Паша поднял руки в примирительном жесте.

Разговор снова закрутился вокруг лагерных историй, а через четверть часа по внутреннему телефону сообщили о при-

бытии первого автобуса с детьми.

Света поднялась, бодро поторапливая остальных.

— Давайте, товарищи, бегом! Если разделять детей по отрядам по мере прибытия, сможем избежать излишней суматохи.

По влажным от мороси аллеям, вожатые поспешили к КПП и зданию администрации. Справа среди листвы мелькнул Ленин, возвышающийся на постаменте над главной площадью, а затем показалась и Пионерская улица, вдоль которой выстроились статуи юных героев. У здания администрации ждали уже два автобуса, часть детей мельтешили с документами, направляясь на медосмотр, после которого их должны были встретить вожатые. С ходу наставники врезались в разношёрстную шумную толпу, Ира крепче сжала в руках доверенную ей табличку с номером отряда и расправила плечи.

— Ребята 9–10 лет! Подходите к нам! 9–10 лет! — Паша взял на себя инициативу и уже принялся подзывать детей.

Кончики пальцев покалывало от внезапно подкравшегося волнения, но, когда подошли первые дети, Ира широко улыбнулась.

— Мы рады приветствовать вас в пионерском лагере “Большая медведица”! Сейчас я зачитаю фамилии тех ребят, которые попали в мой отряд. Если вы не услышали свою фамилию, подойдите к Наташе, — Ира указала на подругу, встречающую ребят неподалёку.

За смену лагерь принимал около 300 детей, родители которых работали в различных НИИ при РГУ и сотрудничающих с ним институтах. На эту смену набрали десять отрядов:

13–14 лет — 1, 2 отряды по 35 человек.

11–12 лет — 3, 4 отряды по 35 человек.

9–10 лет — 5, 6, 7, 8 отряды по 30 человек.

7–8 лет — 9, 10 отряды по 20 человек.

Десятки ребят толпились в поисках своих вожатых, и Ира поспешила зачитать фамилии, пока Паша, наконец, отправился выгружать из автобусов сумки.

— Абрамова Ольга! Афанасьева Ульяна! Бобров Антон! Веселов Дмитрий!

Многие дети ещё не приехали или проходили медосмотр, поэтому приходилось раз за разом перечитывать список, вычёркивая фамилии уже нашедшихся ребят.

Подобной суеты, пожалуй, можно было избежать, если распределять детей по отрядам уже в лагере. Так Ира с раздражением размышляла, когда из года в год должна была оббежать добрую половину вожатых, чтобы найти свой отряд.

Но теперь она видела, что списки составляются заранее в соответствии с характеристиками детей. Так стараются составить наиболее способные к сплочению и продуктивной работе коллективы.

Постепенно отряд собирался. При взгляде не без умолку гудящих подопечных в голову невольно закрадывалась мысль, как они с Пашей уследят за ними всеми. Тридцать детей!

“Осталось дождаться Стрелкова, Копытова, Захарова из мальчиков, а из девочек” — мысль оборвалась, когда внимание Иры привлекла напряжённая тишина среди ребят. Девушка прислушалась к приглушённому шёпоту.

— Я сам слышал, заразная она. Чахоточная! — белобрысый мальчишка забрался на бордюр, словно на пьедестал, и сердито указывал пальцем на соотрядницу, — понаберут всяких больных, а мы по углам шарахаться должны!

Ира раздосадовано поджала губы. В их с Павлом отряд распределили девочку с туберкулёзной интоксикацией — Леру Соловьёву. Диагнозы нездоровых детей не разглашаются из-за реакции других ребят, но, по-видимому, кто-то подслушал на медосмотре.

Соловьёва сжала кулачки и подлетела к обидчику:

— Не заразная я! Книжки бы почитал сначала, прежде чем наговаривать!

Мальчишка отшатнувшись, выставил руку в предупреждающем жесте.

— А кто проверять согласится?

Ира шагнула к хулигану, заслоняя Соловьёву спиной, со всей строгостью спросила:

— Как тебя зовут?

— Лазарев Стас, — мальчик вызывающе вскинул голову.

“Характеристика из школы оказалась правдива. Я должна приструнить хулигана”.

— Послушай, Стас, — безапелляционным тоном заговорила Ира, — ты поступил подло, разглашая личную информацию о человеке. Такое поведение в нашем лагере и отряде неприемлемо. Я понимаю твои опасения, но ты должен был сначала поговорить с вожатыми, мы бы объяснили тебе ситуацию.

С каждым словом Иры уши Лазарева приобретали всё более красный оттенок. Вожатая обернулась к отряду:

— Ребята, каждый, кто получает путёвку в “Большую медведицу”, как и в любой другой лагерь, проходит медобследование. Дети с заразными формами заболеваний никак не могут оказаться среди вас. Туберкулёзная интоксикация не является передающейся формой туберкулёза, более того это заболевание лечится без серьёзных последствий.

Ира говорила доходчиво и спокойно, паника в отряде постепенно сошла на нет. Только сердито сопел Лазарев и пара ребят уже не так активно шептались. Интерес к Лазареву поутих. Кто-то даже извинился перед Соловьёвой за неразбериху.

Девочка, к Ириному облегчению, выглядела вполне спокойной.

— Привет, Лера, всё в порядке? В случае чего ты всегда можешь обратиться к нам с Пашей — второму вожатому — за помощью.

Лера кротко кивнула, вежливо улыбнувшись уголками губ. Тёмный оттенок волос вблизи добавлял коже бледности, пасмурное небо отражалось на скулах девочки землисто-зеленоватыми тенями. И только живые детские глаза не выглядели потухшими.

— Всё в порядке, спасибо, — Лера всё ещё настороженно прижала к груди сумку с вещами.

Кивнув, Ира оторвала взгляд от лица подопечной.

Лагерь снова проснулся, наполнился детскими голосами, стуком колёс пёстрых чемоданов, долгожданными встречами друзей и товарищей. Вожатые мелькали в толпе, выделяясь алыми галстуками, и каким-то особым выражением лиц, которые при всей взрослости и ответственности не теряли радости от знакомой суеты.

Первые отряды начали расходиться по корпусам на заселение, Ира стала подзывать последних детей, и вскоре весь отряд был в сборе.

Ира деловито подняла руку, привлекая внимание.

— Ребята, минуту тишины, пожалуйста! Первое правило, которое все должны беспрекословно исполнять — правило поднятой руки. Для новеньких поясню, когда вожатый под-

нимает руку, вы должны прекратить любые разговоры, чтобы получить важную информацию. Это понятно?

Ответом послужил нестройный хор “да”.

— Мы восьмой отряд, и следующие три недели каждый отвечает не только за себя, но и за всех соотрядников. Мне заранее очень приятно работать с вами, давайте будем относиться друг к другу с уважением, и смена оставит только положительные впечатления!

В толпе детей лениво поднялась рука. Лазарев, небрежно шаркнув по асфальту, вышел вперёд.

— Это ваше правило руки ведь и для нас работает? — манерно растянув “ваше” поинтересовался он.

Ира ровно ответила:

— В ряде ситуаций да.

— Прекрасно. У меня ещё один вопрос. Скажите, а вы уже были вожатой? Или первый раз приехали? — тонкий голос мальчика звучал почти участливо. — Просто, понимаете, я иначе представлял профессиональных педагогов.

Ира нахмурилась:

— Что ты имеешь в виду?

Маленький хулиган продолжал наступать.

— Вы обвинили меня в подлости. Сказали, что я не разобрался в ситуации и что-то там разглашал. Но вообще-то это от девчонок я услышал про болезнь этой Соловьёвой!

Ира украдкой кинула взгляд на Пашу, чувствуя, как теряет контроль над ситуацией.

— Про каких девочек ты говоришь?

Но ребята уже не обращали внимания на вожатую, снова начав перепалку.

— Стукач! Мы тебе по секрету, а ты всему свету! — почти шипела девочка с блеклыми, какими-то рыбьими глазами.

— Я за справедливость, заруби себе на носу.

Ира подняла руку, но никто даже не смотрел на неё кроме оставшихся в стороне от конфликта.

— Восьмой отряд! — Никакой реакции.

Ира начинала злиться. Почему эти дети решили ни во что не ставить её?

— Восьмой! Отряд! — Голос вожатой разнёсса по всей площади, и дети всё же соизволили обернуться к ней.

— Кто подслушал личную информацию о Соловьёвой?

Лазарев охотно указал на двух девочек, с одной из которых спорил.

— Вот эти! Новикова и Куликова! Они и рассказали мне.

Те отмахнулись от Стаса, как от назойливой мухи.

— Кто же знал, что ты трепаться станешь направо и налево?

— Я поняла ситуацию, — объявила Ира. Девочки, вы тоже поступили неправильно. Уверена, теперь вы это понимаете.

Новикова и Куликова почти синхронно согласно закивали головами.

— Да, мы всё поняли, извини нас, Соловьёва.

Лера только махнула рукой.

— Забыли.

Стало тише. Паша показал жестами: “Ещё 10 минут”.

— Давайте в “испорченный телефон” сыграем? — предложил кто-то. — Скучно сидеть.

— Да ну Давайте в “летел лебедь”?

— Отличная идея! — оживилась Ира. — А лучше сыграем в снежный ком, как раз познакомимся друг с другом поближе.

— Понятно, как здесь конфликты решаются, — едко усмехнулся Лазарев. — Какой лагерь, такие и вожатые.

— Не понимаю твоих претензий. Следуй правилам, и ссор не будет, — начинала закипать Ира. — По поводу моей кандидатуры, комсомол счёл мои навыки и опыт достаточными, поэтому можешь не беспокоиться о компетентности.

— Ясно, — Стас оглянулся на ребят, проверяя реакцию, — в таком случае у нас вся смена по уставу пройдёт? С первой минуты правила какие-то.

— Дисциплина — основа жизни лагеря, правила в первую очередь для вашего же удобства и безопасности! — пыталась достучаться до хулигана Ира.

Лазарев, насмешливо хмыкнув, покопался в сумке и показательно достал рогатку. Дети оживились, всем было любопытно, как поведёт себя неопытная вожатая.

— Знаете, мне не нужны правила, чтобы быть в безопасности! — Лазарев оттянул резину, целясь куда-то над Ириным плечом.

Кто-то присвистнул. Ира не дрогнула, хотя мысленно уже уговаривала Пашу быстрее вернуться.

Ира шагнула к мальчику и протянула ладонь.

— Рогатку мне, получишь обратно в конце смены, — твёрдо выпалила.

Стас пожал плечами, спокойно пряча её обратно в сумку.

— Три недели — это так долго — он оглянулся на отряд, ища поддержку, — с такими-то вожатыми.

Рука Иры так и осталась висеть в воздухе, пока сама она лихорадочно обдумывала следующий шаг. В отряде раздались первые смешки.

“Они смеются надо мной?” — опешила Ира.

Вопреки ожиданиям ребят и самого провокатора Ира не стала отбирать рогатку и отступила. Она скрестила руки на груди и, постаравшись скрыть раздражение, улыбнулась:

— Три недели пролетят быстрее шишки из твоей рогатки. Оглянуться не успеешь, как будешь на прощальном костре рыдать и адрес домашний давать, чтобы письма писать.

Стас подавился смешком и посмотрел на молодую вожатую с куда б*о*льшим азартом.

— Я? Реветь? Ну, это мы ещё посмотрим.

— Да, посмотрим, — оставила последнее слово за собой Ира.

В этот момент вернулся Павел.

— Салют, ребята! Обращайтесь ко мне на ты, я Паша.

Словно громоотвод, напарник перетянул внимание ребят

на себя, и Ира выдохнула.

— По парам становись! Наш черёд заселяться! — объявил Паша, и дети радостно похватали сумки. С дороги все утомились.

Спустя пять минут Ира с Павлом уже вели подопечных к корпусу. Всего на территории лагеря находилось 3 корпуса для проживания: Солнечный, Восток и Космос. В каждом размещали детей в соответствии с возрастом. Ириному отряду станет домом корпус Солнечный — самый большой — туда селили детей 7-10 лет.

Пока ребята вертели головами, разглядывая территорию, вожатые немного ушли вперёд, и Павел тихо поинтересовался:

— Ты как? Мне показалось, или не всё прошло гладко?

Ира, глянув через плечо на отряд, наткнулась на пристальный взгляд Лазарева. Пришлось нехотя признать:

— Возникла небольшая проблема, позже расскажу.

Из-за спины тихо донеслось:

— Сейчас жаловаться будет на нас, говорю вам.

“Позорят меня перед напарником,” — вздохнула Ира.

Павел оглянулся и с энтузиазмом уточнил:

— Кто-то что-то сказал? Я не расслышал.

Желающих поддержать претензию не нашлось.

Паша подмигнул Ире:

— Подсунули нам хулигана на голову, да? Разберёмся, не кисни. На прочность проверить решил, но мы-то не лыком

шитые.

Ира неопределённо махнула рукой. Какая-то мелкая неудача не сможет её остановить, но по самолюбию ситуация всё же ударила. Глупо вышло: искренне верила, что справится, уверяла всех вокруг в своих силах, а десятилетнего хулигана утихомирить не смогла.

В корпусе ребят встретили светлые, песочного оттенка стены, повидавшая жизнь, но чистая мебель и, конечно, воспитатели, которые полагались в количестве одного на каждый отряд. Они следили за детьми, когда вожатые занимались кружками или отлучались. Павел взял на себя расселение мальчиков, а Ира подозвала к себе девочек, тихо радуясь, что не придётся терпеть злобные взгляды Лазарева.

Спустя полчаса девочки уже были расселены по палатам. Пока Ира раздавала комплекты постельного белья, к ней подбежала Лера.

— Ир, можно ко мне брат зайдёт? Витя Соловьёв. Он в другом корпусе живёт, но должен мне вещи занести.

— Пусть приходит. Если нужно, мы с Пашей можем помочь.

— Спасибо, там не тяжело, — Лера забрала свой комплект и скрылась в палате.

Глава 2. Морской бой

Столовая в “Медведице” в два этажа: на стенах снаружи отпечатки ракушек и мозаичные рисунки. На одном из таких два пионера поднимают девчонку с игрушечным самолётом. Надпись гласит: “Быстрее, выше, сильнее!” Из окон второго этажа видно море. Сегодня оно сердится. А может, просто тоже волнуется, как новая смена примет его.

На другой стороне крыльца мелькнула знакомая Витина макушка. Брат плетётся поодаль от остальных, и Лере очень хочется подбежать к нему, но Ира настойчиво подгоняет в спину.

Порыв ветра подхватывает волосы, прядки лезут в глаза и липнут к щекам. Лера вертит головой и вдруг впервые видит морскую чайку. Не озёрную, каких полно дома. У огромной птицы хищный взгляд, а кончик клюва ярко-красный, словно от крови.

Чайка пронзительно кричит, прорываясь сквозь ветер, и устремляется в самую бурю.

— Это хохотунья.

Лера оборачивается на соотрядницу, с которой её поставили в пару. Абрамова с прищуром наблюдает за птицей, ловко перепрыгивая все трещины на плитке.

— Их крик на смех похож, поэтому так назвали. На пляже совсем близко подходят, хлеб выпрашивают, скоро сама

увидишь!

— Красивая, — неожиданно для себя улыбается Лера.

* * *

В заботах день пролетел незаметно. После ужина восьмой отряд в полном составе собрался в холле своего крыла.

Из приоткрытого окна шёл прохладный и влажный от лёгкой мороси воздух. С главной площади лагеря протяжно звучал горн, воздух звенел в торжественном напряжении. Вот бодрая мелодия взлетает, стремясь к наивысшей ноте, и срывается на фальшь. Смена музыканта и новая попытка. Это выбирают горниста для линейки открытия лагеря из желающих с музыкальными навыками.

Ира, Паша и ребята устроились в импровизированном кругу. Стульев на всех не хватало, поэтому кто–то болтал ногами на подоконнике, некоторые разместились на полу. Паша уступил Ире последний стул, сам облокотившись на старое пианино.

Ира помнила, словно та смена была в прошлом году: ей 10, вожатый Лёша каждый вечер музицировал. И каждый вечер отряд, не сговариваясь, собирался послушать Лёшину игру. Музыка выходила чистой, только скрипели старенькие педальки. “Снова между на-ами города-а-а, взлётные огни-и аэродро-ома-а”, — еле слышно подпевала маленькая Ира вслед за вожатым. Стоило закрыть глаза, и под веками

расцветали цепочки огней на взлётной полосе: далёкие, манящие и отчего-то грустные.

Возможно, кто-то из её ребят умеет играть? Можно было бы провести музыкальный вечер, особенно, если снова застанет врасплох дождь.

Пёстрые, непоседливые, пока толком незнакомые — так Ира описала бы свой отряд. 12 мальчиков и 18 девчонок. После ужина вожатые дали подопечным время разобрать чемоданы, и сейчас все постепенно подтягивались в холл. Паша решал с администрацией организационные вопросы, тихо ругаясь на барахлящую рацию, а у Иры была возможность ещё раз понаблюдать за ребятами.

В отряде значительное количество детей были неконфликтными. Однако, трудные дети создавали немало шума. В эту категорию Ира отправила Лазарева, а также Захарова Степана и Ершова Дениса, которые ему чуть ли не в рот заглядывали и с удвоенной радостью подхватывали каждую шутку. Вот и сейчас Лазарев что-то шепнул товарищам, и те с гаденькими улыбочками захихикали. Ира отвернулась.

Также вызывали вопросы Новикова и Куликова, которые и начали весь сыр бор с Лериной болезнью. Хотя они и признали свою ошибку, Ира им не слишком доверяла.

Больше всего Ире симпатизировала Лера и её новая подруга Оля Абрамова — та получила ярлык активистки, и бойко отвечала на любые выпады в сторону Леры.

Когда последний ребёнок выбежал в холл, Паша хлопнул

в ладоши, привлекая внимание.

— Восьмой отряд, тишину поймали! — результата удалось добиться не сразу, Лазарев демонстративно продолжал громко переговариваться с друзьями, шутя и смеясь, но с наступившей под ледяным взглядом вожатого тишиной неохотно замолчал и он.

— Спасибо, — напарник оставался совершенно невозмутимым, — первый общелагерный костёр будет завтра вечером, сегодня же мы решили устроить организационное собрание. Самое важное, что вы сегодня услышите от меня — насколько клёво пройдёт смена, зависит от вас самих. А мы с Ирой во всём вас поддержим и поможем.

— Ребята, нам нужно выбрать название, девиз и председателя совета отряда. Сегодня вы знакомились, выполняли задания на сплочение и адаптировались к месту. Надеюсь, вы успели составить первое впечатление друг о друге и готовы предложить кандидатуры.

Ребята оживлённо зашептались.

Ира, для профилактики окинув строгим взглядом отряд, достала блокнот и карандаш.

— Начнём с названия. Мы слушаем ваши предложения.

Пионеры переглядывались, на лицах появлялись и сверкали искорками идеи, но даже спустя несколько минут первопроходцем быть никто не желал.

Под всеобщее молчание Ира нарисовала в углу страницы крошечный знак вопроса.

— Ладно, я немного облегчу вам задачу, раз нас настигла творческая неудача, — Паша решил преодолеть момент сомнений, — Дружба! Чемпионы-солнышки! Морские чебурашки! Что выберете?

Ожидаемым ответом послужил всеобщий смех. Определённо, начало творческого процесса было положено.

Первая из подопечных вскинула руку Оля.

— Нужно что-то связанное с морем, чтобы соответствовать тематике лагеря. Может, Морская дружина?

Девочку уже перекрикивал соотрядник с подоконника.

— Морские волки! Это запомнится точно.

— Пираты?

— Точно не пираты! Мы что, преступники?

— БЭМС! — под недоумевающими взглядами Абрамова поспешила разъяснить свой вариант, — Неужели никто не слышал? БЭМС — боевые, энергичные, молодые, симпатичные! Это модно сейчас!

Новикова и Куликова отмахнулись от соотрядницы, возразив:

— Ну Что мы повторять за кем-то будем?

— Ага, ерунда какая-то получится.

— Название должно быть строгим и лаконичным, — не осталась в стороне Ира.

— А вот девиз, ребятки, должен быть таким, чтоб у воспитателей на линейке волосы дыбом встали!

Дети радостно загоготали. Ира приподняла бровь в ответ

на реплику Паши и прошептала:

— Насколько креативный девиз ты готов утвердить?

— Настолько, чтобы нам не влетело сильно, а ребятам — потеха. Вот увидишь, маршировать охотнее в десять раз будут.

— Предлагаю название Шторм! — В обсуждение влился Миша Копытов.

Он запомнился Ире уравновешенностью и большим количеством друзей и знакомых. Явно не новенький в “Медведице”.

Вот и сейчас знакомые лица поддержали Копытова, одобрительно кивая.

— Шторм Шторм. А что, звучит! — Паша махнул Ире на блокнот, — А называть мы вас как будем? Штормята?

— Пираты, может?

— Петька, да что ты со своими пиратами заладил? Мы скорее юнги!

Ира аккуратно вывела на странице записной книжки: “Название отряда — Шторм”.

— Звучит неплохо.

— Бредово звучит — Лазарев опять вставлял свои недовольные комментарии.

— Стас, а какой вариант ты предложишь? — спокойно, даже заинтересованно спросил напарник.

Лазарев равнодушно мотнул головой.

— Кричалка тогда какая будет? — бодро продолжил Па-

ша.

Посыпался шквал предложений, пока щуплый Артём со свежими ссадинами на коленках не залез на стул, привлекая внимание.

“Ну куда ты в грязных ботинках лезешь?” — Ира недовольно нахмурилась.

— А я девиз такой предлагаю, — мальчик со всем возможным на фоне нетерпения пафосом прокашлялся и принялся декламировать, — Шторм пришёл — покоя нет, никого наглее нет! — брови Иры, кажется, взлетели до самой линии волос, — кто не спрятался — мы не виноваты, разнесём в щепу палаты!

В полной тишине, безнадёжно фальшивя, затянул команду “подъём” горн, холл взорвался хохотом.

Ира возмущённо захлопнула блокнот и прижала к груди.

— Это не девиз, а призыв к акту вандализма какой-то! Восьмой отряд, вы советские пионеры или бандиты с большой дороги?

Паша не стал скрывать улыбки, выдали бы смеющиеся глаза и подрагивающие плечи.

— Ира дело говорит, конечно. Артём, девиз что надо, креативный, только вот не для линейки он.

— За “разнесём палаты” нас точно на карандаш возьмут до конца смены, — Миша со знанием дела посвящал новеньких в правила лагеря, — уж ты, Артём, должен знать.

— Вот вот! Надо вам такое внимание? Петрович — зав-

хоз здешний — лично будет после отбоя наше крыло патрулировать.

— Эх, а вышло то живо так, свежо!

— Ну Давайте оставим!

— Будем голосовать! Мы социалистическое общество в конце–концов!

Ира многозначительно посмотрела на напарника, мол, видишь, к чему твоя расхлябанность привела?

— Тишина, друзья! — голос Паши приобрёл нотку строгости, — Девиз дерзкий, нам с Ирой нравится напор. Но всё-же если такое выдадим, нам не то что штурвал не доверят, к яхтам на километр не подпустят!

Спорить с Пашей никто не решился, тем более, что доводы его были полностью оправданы: лишиться доступа к яхт-клубу никто желанием не горел.

Лет 20 назад на месте лагеря находился небольшой яхт-клуб, основанный сотрудниками НИИ физики при РГУ. На летний сезон на базу приезжали комсомольцы, интересующиеся парусным спортом, а с ними их младшие братья и сёстры, которые тоже охотно учились ходить под парусом. Через несколько лет был создан ведомственный пионерский лагерь, где вожатыми и инструкторами преимущественно работали те же комсомольцы, увлечённые яхт-клубом и их старшие наставники. Позже в лагерь начали отправлять студентов на практику и ребят из СПО.

Ира снова взялась за карандаш.

— Предлагайте более цивилизованные варианты.

Снова посыпались предложения. Вожатая записывала более менее удачные варианты, краем глаза поглядывая на Пашу, который последние минуты обсуждения что-то увлечённо писал и черкал на листе.

Спустя ещё пару тройку записанных Ирой предложений напарник радостно помахал рукой, привлекая внимание.

— Товарищи! У меня тоже появилась идея. Девиз: Шторм идёт — покоя нет! Мы оставим в сердце след! Смелость, сила и напор, нам открыт морской простор!

Ребята восторженно подхватили идею.

— Паша, ты настоящий поэт!

— С такой кричалкой и на линейку, и на соревнования можно!

— Эх, ребятки, я просто вариант Артёма перекроил немного, его благодарите за талант.

— Вышло и правда отлично, — Ира улыбнулась напарнику. — Так, с названием и девизом определились. Остался председатель совета отряда, коротко — командир. Это очень ответственная и важная должность! Командир несёт ответственность за поведение всего отряда и отчитывается лично нам с Пашей каждый день.

— Я могу быть командиром.

Под одобрительными взглядом Леры в центр круга вышла Оля.

— Мне не будет в тягость следить за порядком, и я ответ-

ственная.

— А у тебя времени хватит отряд за собой вести? — Новикова скептически нахмурилась. — Ты уже вон над Соловьёвой шефство взяла. Пасёшь её каждую минуту.

— Лена, — прервал её Паша. — Ты ведёшь себя грубо.

Новикова почти правдоподобно повесила голову. Оля пожала плечами и вернулась к подруге.

— Может Мишу в командиры? — Артём подбадривающе хлопнул друга по плечу.

— Эй, а меня-то за что?

— Ну, ты уже был на этой должности и нормально вроде получалось. Опыт — всегда преимущество.

— А недостаток тогда — отсутствие желания у меня! Не хочу я, — Миша продолжал ленивые попытки переубедить подначивающих его друзей.

Стас же, недовольно ёрзая на подоконнике, бросил:

— Да чё тут выбирать? Назначьте самого послушного, Боброва вон, будет вам доносить и ботинки чистить.

— Ага, Антошка у нас ответственный.

— Точно-точно, пример коллектива! — Стёпа и Денис подхватили насмешку Лазарева.

Антон Бобров покраснел, но промолчал.

Ира уже хотела поставить наглеца на место, но напарник заговорил первым:

— Стас, скажу прямо, ещё одна грубость, и я лично отведу тебя к начальнице лагеря. Будешь уже Октябрине Михай-

ловне объяснять причину своего поведения.

— Мне всё равно. Отправят домой из этой дыры — только рад буду! — хмыкнул Стас.

— После собрания подойти ко мне в вожатскую пожалуйста, — и глазом не моргнул Паша.

Тихое удовлетворение от победы в глазах малявки сорвало последний предохранитель. Ира поднялась, скрестив руки на груди, и бросила вызов. Она возьмёт ситуацию в свои руки!

— Знаешь, Стас, ты ошибаешься. Послушный нам не нужен. В командиры выбирают человека стойкого. Такого, чтобы не побоялся взять на себя ответственность, если отряд провинится. Командир должен решать проблемы, а не отмалчиваться в сторонке или тем более разжигать конфликты.

Девушка не спеша подошла ближе к хулигану, взглянув сверху вниз.

Лазарев с подозрением покосился на вожатую, показательно ковыряя подошву кроссовоки.

— А мне-то что?

Паша затею Иры не поддержал, и только этот факт выдавал в нём недовольство. В остальном напарник оставался расслаблен, видимо, не желая одёргивать Иру перед детьми — это не пойдёт на пользу её и так шаткому авторитету.

— Таких найти всегда непросто, — продолжала Ира. — Тут ведь не только на словах крутым надо быть.

Войдя во вкус, Ира взглянула на подопечного с деланным сочувствием, словно на заплутавшего в трёх соснах человека.

— Ты вот говоришь “ботинки чистить”. Неужто только на такое нехитрое занятие и способен? В таком случае ты точно не способен отрядом управлять. Там не только зубоскалить нужно.

Мальчик спрыгнул с подоконника, явно задетый за живое.

— Это я-то не способен? Я по-вашему дурак и неумёха? Я ваш Шторм так построить могу, что вы всю смену отдыхать, любуясь со стороны будете!

Ира предчувствовала лёгкую победу.

Она в задумчивости окинула придирчивым взглядом раздражённого Стаса: от измазанных кроссовок до непослушных вихров на макушке.

— Значит, ты выдвигаешь свою кандидатуру? Неужели готов быть первым? — Ира выдержала паузу. — Первым во всём, Лазарев. На зарядке — первый. В столовой на дежурстве — первый. И никакого хамства в адрес товарищей или вожатых. Согласен?

Мальчик раздражённо смотрел то на Иру, то на Пашу, сжимая кулаки. Минуты тянулись в томительном ожидании.

— Знаете, что, не куплюсь я на ваши провокации! Ищите другую пешку.

Ира уязвлённо отступила, ещё не полностью осознав, что мальчик оказался ей не по зубам. Что ж, сегодня она проиг-

рала Лазареву.

Паша вынес вердикт:

— Значит, разговора с начальницей не избежать.

— Ладно, — Стас угрюмо вернулся на подоконник, отмахиваясь от вопросов друзей.

Командиром почти единогласно выбрали Мишу Копытова.

К ночи непогода окончательно отступила, а значит завтрашнему походу на пляж быть. Пахло хвоей и землистой свежестью, какая бывает после дождя. Палаты, каждая с шестью однотипными кроватями, тумбочками и высокими узкими шкафами, были погружены в мягкую темноту. За стенами корпуса продолжали свою работу вожатые и администрация, шла планёрка, заполнялись отчёты. Детям же, особенно младшим давно было положено спать. Но, как и бывает во всех лагерях, ребята сон не жаловали. Из каждой комнаты, доносился шёпот, то и дело срывающийся на смех: пионеры обсуждали впечатления от начала смены, рассказывали страшилки и лагерные слухи.

В комнате Лазарева кто-то грохнулся с кровати, за чем последовал взрыв приглушённого смеха.

— Восьмой отряд! Отбой был полчаса назад. Совесть-то имейте! — Ира уже спешила к палате главных создателей шума.

— Эй! Вы аккуратнее не можете там? Сейчас вожатая придёт и будет ругаться! — Это возмущался Прохоров.

У Иры только на него и его друга Нестерова оставалась надежда на отсутствие разрушений в этой комнате. Повредят мебель — их с Пашей точно не похвалят.

— Да не будет никто ругаться! Что ты трусишка такой?... Ай! Иш ты, подушку свою в следующий раз в коридор пойдёшь забирать!

Надежда на отсутствие выговора со стороны администрации стремительно увядала.

— Иринка вообще ушла! Слышите? Каблуками своими цок-цок в конце коридора.

— Да не ушла она, это со второго. Наверное, ждёт, когда мы заорём, чтобы старшей пожаловаться. Новенькая же она, всего боится!

— Это точно! Такая: “Ну пожалуйста, ребята, ну ложитесь”

— Не говорила она так!

— Значит, заговорит.

Ира недовольно скривилась.

Сегодня была её очередь укладывать отряд, только после этого она сможет пойти отдыхать сама. Паша был на планёрке. Пока что особого успеха девушка не достигла.

Усталость давила на плечи, рубашка помялась, а галстук перекосился и лишь комсомольский значок стойко грел сердце.

“Мы на сменах вели себя тише хотя бы из уважения к вожатым, а эти дети совсем бессовестные какие-то!” — Иру из-

рядно раздражало, что в отсутствие Павла её авторитет среди ребят заметно падал.

Пока отчитывала палату Лазарева и выслушивала оправдания Прохорова и Нестерова, в соседних снова начался балаган.

— У кого там фонарик мигает? Мне нужен на минутку!

— А давайте простыни нацепим и девчонок из соседней комнаты напугаем? Типа приведеееения, бу!

— Пирааааты!

— Петька, честное слово, я щас тебя подушкой придушу с твоими пиратами!

— Тихо вы! Шаги слышите? Реально шаги! Кто-то в наше крыло идёт.

И правда, кто-то шёл. Ира взмолилась, чтобы это был вернувшийся пораньше Паша, а не кто-то из администрации! Ещё не хватало выговор получить в первый рабочий день.

— Восьмой отряд! Почему так шумно? — В коридор влетела Юлия Сергеевна. Её строгий голос разнёсса по этажу, разговоры мигом сменились скрипом кроватей.

— Ребята, давайте по-хорошему. Завтра у всех ответственный день — торжественная линейка, смотр строя и песни. Вы что, хотите перед всем лагерем сонными мухами выглядеть? Честь отряда позорить нельзя!

Юлия Сергеевна неспешно прошлась по всем палатам и, наконец, обратила внимание на Иру, в нерешительности застывшую у стены.

— Я посижу в холле какое-то время, а ты, Кравцова, продолжай обход.

Ира кивнула и поспешила выполнять работу. Было стыдно: за неё комсомол поручился, а с обязанностями совсем не справляется. Вот Юлия Сергеевна достойна ходить в парадном, она в отличие от Иры имеет неоспоримый авторитет. Старшая вожатая была справедливой, но строгой, никогда не позволяла никому халтурить и вообще вызывала благоговение у Иры. Кравцова пару раз прошлась по всем палатам, останавливаясь и вслушиваясь в ночную жизнь корпуса. Конечно, дети не уснули сразу, но всё же немного успокоились, стало довольно тихо. Этажом ниже приглушённо раздавался рассерженный голос Наташи — похоже Синицына не изменяла своему характеру.

“Благо она не в моём отряде, иначе вдвоём с этим педагогически запущенным Лазаревым они бы в могилу меня свели”.

Юлия Сергеевна почти сразу ушла. Ира надеялась подежурить ещё полчаса и тоже пойти, к тому времени большинство уснёт.

Однако удача была не на стороне Иры: в коридоре снова послышались шаги, только в этот раз однозначно не Юлии Сергеевны. И правда, вглядываясь в номера палат, к ней приближался какой-то подросток скорее всего из старшего отряда.

“Они сегодня что ли сговорились устраивать беспоря-

док?” — накопившаяся за день усталость не добавляла Ире спокойствия.

— Что ты здесь делаешь? В чужом корпусе, ещё и после отбоя.

Ночной гость ничуть не смутился рассерженного тона вожатой, напротив, паренёк даже имел наглость выглядеть недовольным!

— Я по делу важному, к сестре. Нужно вещи передать.

Он продемонстрировал Ире пакет.

— Как её зовут? Может она и не в моём отряде.

— Соловьёва Валерия.

— Всё-таки ты по адресу, — признала Ира. — Нашёл ты время, конечно. Ладно, отдавай вещи и марш в свой отряд.

Во одной из палат возобновились разговоры: обсуждали незнакомого гостя. В коридор осторожно выглянула Лера, босая и с растрёпанными волосами.

— Вить, ну наконец-то! Просила же до отбоя принести.

Девчонка неуверенно поглядывала на Иру.

— Я тебе не посыльный, радуйся, что сегодня принёс. У меня тоже, может быть, дела! — пробурчал Витя.

— Я не виновата, что часть моих вещей тебе всучили, я в состоянии и сама сумку довезти!

Пока брат с сестрой выясняли отношения, у Иры появилась новая забота: из палаты выглянула обеспокоенная Игнатова.

— Прости Ира, что отвлекаю, но там Соня хочет письмо

домой отправить, очень просит! Подойдёшь?

“Мы же сегодня выделяли время для написания писем родителем, почему нужно это делать после отбоя?” — вздохнула Ира.

На территории лагеря стоял почтовый ящик, куда дети кидали письма, а почтальон раз в пару дней их забирал.

— Что у неё случилось?

— Мы не знаем, она ничего не говорит

— Хорошо, сейчас подойду, подождите минутку.

Ира снова обратила внимание на нежданного гостя.

— Так... Витя, верно? Ты из какого отряда?

Парень явно нехотя, но ответил.

— Из первого.

— Замечательно. У меня, как видишь, другие заботы сейчас, но я обязательно узнаю у Светы и Миши, как ты добрался до своей палаты. Советую сделать это как можно скорее и не шататься за пределами кровати после отбоя.

Витя выдавил вежливую улыбку.

— Лера, иди обратно в кровать, пожалуйста, — Ира проследила, чтобы дети разошлись и поспешила успокаивать подопечную.

Краем уха она услышала тихое ворчание Соловьёва, разобрала только “командирша”.

Ира нахмурилась: “Ещё один педагогически запущенный объявился!”

Впрочем, настроение дети ей не испортят, ведь скоро нач-

нутся занятия в яхт-клубе, где Ира будет помощницей инструктора. Кравцова мечтательно прикрыла глаза: солёный ветер, солнце, скрип мачты и натянутых канатов, белоснежный грот в тугом наливе...

Глава 3. Линейка открытия

Над длинным рядом умывальников стоит непрекращающийся гул: восьмой отряд словно беспокойный рой пчёл, выбравшийся из улья. "А Паша тогда наша королева," — тихо смеётся Лера. Пока он поторапливает ребят и интригует планами на день, Ира в вожатской выглаживает 33 галстука для линейки открытия смены — 30 детских, 2 их с Пашей и один запасной. Лера с Олей сами видели, когда заглянули к вожатой, как шипит и пускает облака пара влажная марля под раскалённым металлом, и чуть дрожит рука Иры от тяжести утюга.

Вода в умывальнике ледяная, пахнет железом, руки сразу краснеют от холода, и даже зубы с непривычки сводит. Поднимаешь металлический штырёк, и с прозрачными брызгами остатки сна как рукой снимает. Лера знает: ей нежелательно закаляться со всеми, может дать знать болезнь. Но медработница в спешке забыла добавить рекомендацию в личное дело, а Лера не стала напоминать вожатым. Лагерь ведь — это свобода.

А вот Антону Боброву повезло меньше — про его рекомендации никто не забыл, и Паша лично грел воду для него. Задира Лазарев уже начал виться вокруг Боброва, интересовался, чего это он отдельно умывается.

Лера вытирает лицо и руки накрахмаленным вафельным

полотенцем, а затылок уже начинает припекать на солнце. Южное тепло приятно проникает под кожу, прогревая тело. Рядом на камне надрывается старенькое радио Паши: важный голос диктора то и дело прерывается помехами, и вожатый то и дело постукивает по коробочке. Обещают аномальную жару и высокую солнечную активность на всём побережье.

— На зарядке чтоб каждый в панаме был, — непреклонно распорядился Паша.

* * *

— Организация в этой “Медведице” — полная лажа! — Витя сердито завязывал галстук для линейки открытия смены.

Пальцы заплетались, и узел выходил неровный. Парень чертыхнулся сквозь зубы и принялся дёргать ткань в попытке исправить положение.

Не подумайте, что Витя Соловьёв — какой-то зажравшийся зануда, для которого выбитая за полцены путёвка в морской лагерь — повод воротить носом! На самом деле в профкоме не обманули: “Большая медведица” вполне могла сойти за лучшее место для летнего отдыха пионера. Чёрное море здесь было иссиня-бирюзовое, дно быстро набирало глубину, позволяя лагерным яхтам подходить совсем близко. Целебная смесь йодистого морского воздуха, эфирных ма-

сел можжевельника и сосновой смолы создавала настоящий природный санаторий, а приехавшие не первый раз дети выглядели довольными.

Всё это, несомненно, здорово. Но только не когда все друзья, которых Витя обрёл за прошедшие смены в уже родном лагере под Свердловском, отправились на последнюю и наверняка самую незабываемую смену в “Каменном цветке”! Там каждое дерево стало родным за несколько лет, каждый воспитатель был знаком, даже директор узнавал Витю в лицо. В “Цветке” Витя — бывалый походник, а в “Медведице” — чужак без имени.

В груди что-то неприятно сжималось каждый раз, когда парень представлял, как всю смену будет болтаться на задворках отряда, всеми отвергнутый. Эта мысль преследовала Витю ещё на протяжении всей дороги в поезде, пока он смотрел на пробегающие за окном леса и робел заговорить с шумными соседями по вагону.

“Хватит крутить в голове этот бред!” — парень сердито дёрнул галстук, наконец добившись идеального вида.

В очереди к автобусам с Витей неожиданно завёл разговор загорелый парень с тенью жёстких волосков над губой, которого Соловьёв поначалу принял за вожатого. Тимур Королёв — так его звали — оказался соотрядником Вити и по совместительству негласным, но безоговорочным лидером довольно большой компании. Эти ребята не первый раз приезжали в “Большую медведицу” и были ярыми любителями па-

русного спорта. В шутку они называли себя “Тимур и его команда”, под этим же названием участвовали в соревнованиях яхт-клуба. Оказалось, ребята из старших отрядов могли участвовать в регате на довольно серьёзных, больших яхтах, правда в присутствии квалифицированного инструктора.

— Мы с Костей одноклассники же, так что знакомы были, — с ленцой рассказывал Тимур, пока они тряслись в душном автобусе. — Звание юного рулевого мы ещё до первой смены получили, а когда приехали в “Медведицу”, стали сразу на “Кадете” учиться ходить.

— “Кадете”? — тихо переспросил Витя.

Он боялся спугнуть нового знакомого, отчего только сильнее робел.

Тимур снисходительно засмеялся:

— И откуда ж такой тормоз к нам приехал? А Витёк? “Кадет” — это такой двухместный швертбот, все знают.

— Я из Свердловска — смущённо улыбнулся Витя.

Из-за плеча Тимура выглянул второй новый знакомый — Костя Белов. Его выгоревшие на солнце белёсые волосы напоминали отцветающий пушистый одуванчик, а в светлых радужках бликами зависло небо. В отличие от отрывистого командного тона Тимура, Костя говорил мягко, сглаживая колкий характер друга:

— Вить, ты не бери в голову! Тренеры у нас увлечённые, если в яхт-клуб запишешься, всему научат.

Витя улыбался и как болванчик кивал головой.

С остальной частью компании Тимура Витя познакомился уже в лагере. Молчаливого новенького ребята не отталкивали, и он всюду следовал за ними. Тимур обладал крепким характером: тихая уверенность жила в его тёмных внимательных глазах, степенной походке и броском “Тьфу, ерунда!”. У Вити никогда не было таких друзей — железно уверенных в себе, способных быть лидером большой компании, почти рулевых 2 класса, в конце-концов! Честно говоря, Соловьёв с первых минут знакомства им восхищался.

В первом отряде собралось 19 парней, выходило 3 палаты по 6 человек и один лишний. Вите и досталась “счастливая” кровать в палате с ребятами третьего отряда. И если оказаться среди старших зачастую считалось большим везением, то отправиться в одиночку жить к младшим было настоящим провалом. К тому же замотавшиеся вожатые забыли предупредить Витю об изменениях в расписании второго дня, поэтому он долго копался, и весь отряд опоздал на завтрак.

— Соловьёв, скажи, пожалуйста, тебе требуется особое приглашение? Сначала ночью шатаешься по чужому корпусу, теперь распорядок дня всему отряду срываешь, — вожатая Света при всех отчитывала Витю после завтрака.

Светка взъелась на него с самого утра из-за похода в корпус сестры без предупреждения, к тому же после отбоя. Вожатая Леры всё-таки настучала. Вите оставалось только краснеть под насмешливыми, равнодушными, любопытными и невесть ещё какими взглядами соотрядников и прохо-

дивших мимо ребят и вожатых.

Публичный позор решил остановить Тимур:

— Свет, да что ты его отчитываешь, как котёнка? Сами с Мишей забыли, что он один с мелкими живёт и ругаетесь теперь. Забей, поели же!

Света явно была недовольна панибратским тоном подопечного, но Костя, получив толчок в бок от друга, обезоруживающе улыбнулся, и перетянул внимание на себя:

— Ладно вам, давайте не будем ругаться на второй день смены. Витя теперь знает расписание, и больше не опоздает, а мы ему подскажем, в случае чего.

Как ни странно, но это помогло: Костя был на хорошем счету у вожатых. Витю оставили в покое.

Сейчас, выбежав из корпуса, Соловьёв с облегчением обнаружил, что далеко не весь отряд собрался на линейку: опоздать снова не хотелось. Южное солнце жгло глаза, во всю сияя на безоблачном небе. Парень мазнул взглядом по выстраивающимся парам своего отряда. Никто не обратил внимание на Витю, даже не махнули. Прищурившись, Соловьёв отыскал в толпе соотрядников вчерашних новых знакомых и направился к ним. В конце концов Тимур с Костей же заступились за него, не оттолкнули.

— Витёк, а Вить, рассказывай, как тебе с третьим отрядом живётся? Помог им галстучки завязать и рубашки застегнуть? — радушно встретил Витю Тимур.

— Или и тебе помощь понадобилась? — рядом на поко-

сившемся бордюре, неуклюже приподняв руки, балансировал Кабан. Его настоящее имя Витя не знал.

— Не понадобилась, — чересчур яро заверил Витя, отчего ребята снова рассмеялись.

К компании обернулась Варя Романова — чернявая девчонка-дылда со смоляными волосами и густыми, тяжёлыми бровками:

— Вить, да не расстраивайся ты, меня в прошлом году тоже с третьим поселили, но мы к середине смены даже подружились!

Витя неохотно улыбнулся Варе — не хотел показаться хмурым грубияном. С ней он успел познакомиться ещё в первый день, потому как Варя постоянно ошивалась рядом с компанией Тимура. Витя даже немного завидовал её непосредственной настойчивости и той лёгкости, с которой она всегда находила повод завести диалог.

Тимур знал Варю с прошлой смены и явно недолюбливал.

— Тьфу, Романова, у девчонок по-другому же всё, ничего ты не понимаешь. Да и с тобой Ульяна жила! Так что не считается.

Странно, но Варя вовсе не обратила внимание на недовольство Королёва, повернувшись к Косте:

— Белов, ты вроде тоже с младшими жил одну смену?

Костя благосклонно кивнул Варе.

— Знаете, а это вовсе неплохо было, ребята меня слушались, прикрывали перед вожатыми при необходимости.

Довольная Романова вдруг покраснела, засмущавшись. Она втиснулась между Костей и Тимуром, при этом привычно вжала голову в плечи, становясь похожа на сову.

— У тебя вообще здорово получалось ладить с детьми, не думал приехать вожатым в будущем? Помощниками и старшеклассников берут ведь.

В этот момент первый отряд ровным строем пар двинулся на площадь.

— Непременно подумает, топай обратно и не ломай строй, — Тимур подтолкнул соотрядницу в спину, не особо сдерживая силу, из-за чего Варя едва не влетела в подругу.

Ульяна Коваль, в свою очередь, схватила Романову под локоть и, что-то возмущённо шепча ей на ухо, потащила догонять впереди идущие пары.

— Наконец-то отстала, — хмыкнул Тимур.

Костя равнодушно отвернулся, Кабан громко хихикнул, а Витя нервно дёрнул плечом и прошептал под нос:

— Как бы меня так же не вышвырнули...

Тимур с подозрением обернулся.

— Чего это ты там бормочешь?

— Да так, ничего, — Витя мысленно стукнул себя по лбу.

На главной площади “Большой медведицы” строгой буквой П выстроились все десять отрядов, сопровождаемые вожатыми и воспитателями. В центре у флагштока собралась администрация, сторожа, повара, медперсонал — все, кто приложил и приложит руку к организации летних каникул

для советских пионеров.

Витя привстал на цыпочки, пытаясь из-за спины оказавшейся в первой линии Романовой рассмотреть отряд сестры. Тимур, глядя на его старания, не церемонясь, крикнул Варе:

— Подвинься немного, Романова, а то наш Витенька из-за тебя ничего не увидит!

Покраснев и ещё больше ссутулившись, Варя пропустила Витю вперёд. Парень потупил взгляд в землю, игнорируя новые смешки. Романова была в отряде самой высокой среди девочек, и даже многие парни оказывались ниже неё на голову. Ниже Вити был только ботаник Олег и чемпион лагеря по шахматам Матвей.

Парень нашёл взглядом Леру, которая безмятежно стояла под руку с какой-то девчонкой и судя по двигающемся губам о чём-то оживлённо болтала. Словно почувствовав взгляд брата, она нашла его глазами, что-то взволнованно протараторила соотряднице, и вот девочки уже вместе активно замахали руками, передавая привет. Витя смущённо махнул им в ответ.

Позади восьмого отряда плечом к плечу стояли вожатые, Витя недовольно взглянул на девушку, с которой так неудачно пересёкся после отбоя. Её форма совсем не отличалась от вчерашнего вида. Всё та же белая рубашка.

“Неужели всю смену будет в ней жариться? Хотя какая мне вообще разница?” — Витя отвернулся, выискивая что-нибудь интересное.

Недалеко за аллеей ровных стреловидных деревьев, которые ребята называли кипарисами, берег резко уходил вниз, открывая вид на мирно поблёскивающую в лучах солнца морскую гладь. Немного дальше от берега легко покачивались миниатюрные яхты с белоснежными парусами. Волны то играюче подбрасывали их, то снова принимали в пенные объятья. Не смотря на весь скептицизм Вити к затее с поездкой в лагерь, море, которое он до вчерашнего дня видел только по телевизору да в журналах, заставило хотя бы на пару минут забыть о недовольстве.

После линейки открытия Света и Миша обещали отправиться на пляж купаться. Витя уже в красках представлял, как с разбегу бросится в прохладную солёную воду, скрываясь от дневного зноя. Чувствовал влажную гладкую гальку под ногами и слышал крики чаек, проносящихся над головой.

Обрывая грёзы и словно насмехаясь, по спине лениво сползла очередная капелька пота. Парадная рубашка премерзко липла к коже. Витя тоскливо перевёл взгляд на медленно собирающуюся у флагштока администрацию: минут 30 ещё точно придётся жариться, словно на сковородке. Хотя кто знает, насколько пафосно проходят линейки в больших лагерях? У Тимура Витя спрашивать не решился, не желая выставить себя ещё б*о*льшим несмышлёнышем.

— Шипа, тогда на галсовке кто затупил, спрашивается? — Тимур с компанией вполголоса снова обсуждали яхт-клуб.

— Честно, я б тебя вообще на борт не пустил после такого.

Витя прислушался, желая подгадать момент и попробовать тоже влиться в разговор.

— Я тебе ору: "Трави стаксель!", а ты вцепился в шкот и глаза пучил. Помните? В итоге нас на огибании так прижали, что чуть планширь не ободрали об буй, — от обилия незнакомых слов захотелось взвыть, и Витя с безнадёжностью махнул рукой.

Тимур, как и все его товарищи главной целью смены видел регулярные заплывы и победу в общелагерных соревнованиях. Сам Витя за неимением доступа никогда парусным спортом не интересовался. Вожатая Света строго шикнула на болтунов, и им пришлось прерваться.

Тук. Тук. Тук.

Внимание Вити привлекло выверенное постукивание каблуков по плитке, разговоры вмиг стихли. Женщина в возрасте с плавной уверенной поступью, создавалось впечатление, что идеально ровная осанка досталась ей от рождения. Или она сама с юных лет не привыкла опускать голову? На строгом синем платье-футляре не найти ни единого залома. Витя впервые видел её, но откуда-то знал, что именно эта женщина — та самая начальница лагеря Октябрина Михайловна. Гроза “Медведицы”. Одно её слово — и ты отправляешься домой к родителям с позорной характеристикой.

“А глаза у неё незлые,” — вдруг подумал Витя.

— Та-та-та! Та-та-та! Та-та-та-та-та!

Медный раструб, словно живой, подрагивал в руках горниста, выплёскивая в раскалённый воздух резкие, колючие звуки:

— На-сбор! На-сбор! Пи-о-не-ры, на-сбор! — сигналам горна для запоминания ритма и значения придумывали специальные подтекстовки, известные каждому, кто хотя бы раз бывал в лагере.

— Слу-шай-те! Слу-шай-те! Все-все-все-все-все!

Начальница говорила без громкоговорителя, но в наступившей тишине было отчётливо слышно каждое слово:

— Здравствуйте, пионерская дружина лагеря “Большая медведица”!

Все собравшиеся хором выдохнули:

— Здра-ствуй-те!

С ближайших сосен с криками сорвались птицы.

— Лагерь, равня-я-яйсь!

Все, за исключением правофланговых, синхронно повернули головы вправо и выставили левый локоть, поправляя дистанцию.

— Сми-и-ирно! Дорогие ребята! Юные ленинцы! Я поздравляю вас с началом третьей смены нашего трудового лета. Пусть эти три недели станут для вас временем открытий и новой дружбы. Торжественная линейка, посвящённая открытию шестьдесят третьей смены пионерского лагеря “Большая медведица”, объявляется открытой!

— Председателям советов отрядов подготовить и сдать

рапорты! Вольно!

Коваль Ульяна — командир Витиного отряда — вытянувшись струной, стояла справа чуть впереди отрядного строя. Чётко, без запинок она скомандовала:

— Первый отряд! Равняйсь! Смирно!

— Название отряда!

Хором.

— Капитаны!

— Девиз отряда!

Хором.

— Не топчем чужие дороги, мы проложим свои! Отважные капитаны! Мы всегда впереди!

С последним звуком Коваль выверенными шагами направилась к начальнице. Замерла перед ней и чётко отдала салют. Голос Ульяны громко и гордо разнёсся по всей площади:

— Товарищ Октябрина Михайловна! Первый отряд в количестве тридцати пяти человек на торжественную линейку в честь открытия смены построен! Больных и отсутствующих нет! Рапорт сдала председатель совета первого отряда Коваль Ульяна!

Октябрина Михайловна едва заметно одобрительно кивнула.

— Рапорт принят. Вольно, товарищ Коваль. Отправляйтесь в строй.

Коваль направилась обратно в отряд, а к начальнице уже

спешил командир второго. Механизм работал как часы.

Стоило юному председателю совета десятого отряда сдать рапорт и вернуться в отряд, как горн взвизгнул, заложив уши, и тут же перешёл в чистую торжественную дробь:

— Та-та-та! Та-та-та! — раз-два-три! На-знамя, пионер, смотри!

— Лагерь! Равнение на знамя!

В звенящей тишине Витя услышал, как взволнованно выдохнула Варя над его плечом, и как замер Тимур, забыв все шуточки и разговоры про яхты. Да и сам Витя ощутил неведомое на линейках в “Каменном цветке" волнение.

Над площадью разнеслась сухая дробь барабанов и наконец, чеканя шаг, показалась знаменная группа: флаг дружины крепко держал учсектор второго отряда. Он не смотрел на ребят, видел перед собой только флагшток, и в этой отрешённой серьёзности было нечто завораживающее. За знаменосцем, отставая на шаг и держа руки в образцовом салюте шагали Витины соотрядники — Федотова Саша, учсектор, и Костя, культорг.

Они двигались в отточенном темпе, торжественно вышагивая мимо каждого отряда к флагштоку. Пример всему лагерю. Безупречные, целеустремлённые, вдохновляющие в свой красоте. Когда знаменосцы стройно проплывали мимо первого отряда, Витя почувствовал, как Варя неосознанно подалась вперёд, и краем глаза поймал приоткрытые в восхищении губы и светящийся взгляд, которым она провожала

группу.

Знамя на флагштоке.

— Флаг пионерской дружины лагеря “Большая медведица” — поднять!

Горн запел звонко, певуче, ноты летели над головами замерших отрядов.

— Та-та-ТА! Та-та-ТА! Та-та-та-та-ТА! — флаг под-нять! Флаг под-нять! Вы-ше вы-ше флаг под-нять!

И пока красное знамя, колыхаясь на ветру, ползло к верхушкам сосен, что-то значимое просыпалось в душе Вити. Весь он обратился в комок чувств и впитывал каждый звук и яркое движение. Рубашка больше не сковывала, галстук не душил. Перед глазами стояли лишь одухотворённые лица знаменосцев, полный чистого, искреннего восторга взгляд Леры, три сотни белых рубашек, застывших в салюте, и оно — алое знамя на фоне глубины неба и простирающегося до горизонта моря. Витя вдруг ощутил, что все они — от малышей семилеток до начальницы — здесь оказались не просто так. Не от скуки явились на свет и приехали этим летом в “Медведицу”. Они пришли ради достижений, ради друг друга и ради чего-то важного, что он, Витя Соловьёв, ещё не открыл в себе. Но обязательно откроет.

— Лагерь, вольно! Поздравляю всех с открытием смены!

Следующие 20 минут были посвящены представлению администрации, вожатых и воспитателей, других работников. Перешли к любительским кружкам и более профессиональ-

ным секциям. Юлия Сергеевна по очереди объявляла ответственных за них вожатых, и те выходили в центр, чтобы кратко рассказать о расписании и программе.

А выбрать было из чего!

Стенгазета и работающий с ней в тандеме кружок фотографии, ответственный за который Суханов активно заманивал ребят новыми зеркальными “Зенитами” и раздобытой цветной плёнкой. Настоящий восторг! Для любителей спокойного досуга — выжигание по дереву и макраме. Спортивные секции: пионербол для младших и волейбол для старших, футбол, шахматы и шашки. Помимо этого ежедневно проводили личные зачёты, эстафеты и командные игры для всех желающих. Старшая вожатая активно зазывала всех интересующихся театром в драмкружок, а музыку для постановок приглашала предоставить музыкальная секция. Витю больше всего заинтересовал турклуб, за который, кстати, отвечал вожатый сестры Паша. Ребятам обещали провести уроки по выживанию в диких условиях и даже несколько ночёвок в палатках на территории лагеря — больш*у*ю часть “Большой медведицы” занимали заросли можжевельника и сосен, где и проходили занятия. Это был настоящий лес в глазах Вити.

Напоследок оставили сердце “Медведицы” — яхт-клуб “Два капитана”.

Ребят выбежал поприветствовать энергичный директор клуба, на вид ему было около 30 лет.

— Всех желающих обучиться искусству парусного спорта вне зависимости от возраста, опыта или его отсутствия приглашаем присоединиться к нашей дружной флотилии! — мужчина экспрессивно жестикулировал, представляя инструкторов и их помощников.

Витя отметил, что помощники инструкторов — вожатые, а вот сами инструкторы — в основном члены яхт-клуба.

По-хозяйски закинув руку Вите на плечи, Тимур привлёк его ближе к себе, словно собирался поделиться чем-то секретным. Ладонь у Королёва была широкая, тяжёлая, с несходящими следами мазута.

— Соловьёв, а ты какую секцию выберешь? Куда отправишься коротать летние деньки?

Витя по привычке растерялся от такого пристального внимания.

— Да я не решил ещё. Ну, может, турклуб кажется интересным...

Королёв недоумённо потряс Витю за плечи, словно тряпичную куклу.

— Ты чего, Витька? Какой турклуб? Там от походов одно название! — Тимур повернул парня к зарослям, теперь представшими всего лишь запущенным сквером внутри лагеря, — будешь всю смену с отрядом домашних задохликов бродить кругами у двух сосен, разглядывая мох на ветках. Тьфу, ерунда!

И правда, почему Вите показался увлекательным этот

странный кружок? Он растерянно обернулся к Королёву:

— И куда тогда?

Тимур укоризненно уставился на товарища.

— Как куда? В “Два капитана”, естественно!

Витя почти рассмеялся от подобной идеи.

— Да куда мне к яхтам? Я же ничего не смыслю в ваших парусах!

— Ты, Витя, сообразительный малый, я же вижу! — восторженно загорелся Тимур. — Разве не хочешь с моими ребятами под парусом ходить?

Соловьёв замер. Вот оно, то самое важное! Витя словно наяву представил, как стоит у штурвала и ведёт яхту сквозь бурные волны. Ветер бьёт в лицо, осыпая солёными брызгами, а рядом плечом к плечу с ним стоит Тимур!

— Только вот теорию нужно вызубрить сначала, — приспустил парня на землю Тимур.

Но разве испугает Витю какая-то теория, если его принимают в команду?

Директор яхт-клуба тем временем продолжал:

— Яхтсмены с опытом будут распределены по группам в зависимости от навыков и возраста. Для новичков будут проведены 12 обязательных для посещения теоретических занятий, после которых вы сдадите зачёт и будете допущены к тренировкам на “Оптимистах” или “Кадетах”, тут уже разделение по возрасту. В конце смены вы покажете практические навыки и, в случае отличных результатов, даже полу-

чите сертификат юного рулевого! Шанс попробовать себя в парусном спорте есть у каждого!

Витя вмиг поник, разбившись о реальность: не видать ему большой настоящей яхты, на которой ходит команда Тимура, как не получить и признания товарищей. Королёв, однако, хитро улыбнулся, заметив терзания парня.

— Как только сдашь теоретический зачёт — возьму тебя в свою команду.

— Но как? У меня же даже нет звания и сертификата! — Витя неверяще тряс головой.

Королёв покровительственно усмехнулся:

— Я договорюсь с нашим инструктором, ты будешь под присмотром, задачу дадим несложную, — он задумчиво почесал подбородок. — Шкоты сможешь натягивать?

Витя не знал, что такое шкоты, но с энтузиазмом закивал.

— Смогу конечно!

Может, это и не стоять у штурвала, да какая разница?

— Не ошибся я в тебе, Витя, — Тимур одобрительно похлопал парня по плечам, — свой ты пацан.

Королёв подвёл одуревшего от выпавшего счастья Витю к товарищам: с ними стояли соотрядницы, которые тоже состояли в яхт-клубе.

— На этой смене мы точно вас уделаем, мальчишки! Вам придётся тренироваться, не смыкая глаз, если хотите хотя бы достойно проиграть!

На подначивания девушек ребята охотно посмеивались.

— Хорошо, хорошо, девчонки! Но и вас это тоже касается! — Костя весело подмигнул девочкам.

— Я бы тебе советовал держать ухо востро, Кузнецова. В нашей команде к соревнованиям будет новый юнга, и, прошу заметить, самый лучший. Как и всё, что находится под моим руководством! — Тимур поставил Витю перед собой, словно хвастаясь ценным трофеем.

Девочки, с интересом перешёптываясь, разошлись, и первым Соловьёву протянул руку Костя:

— Добро пожаловать в экипаж! — Костя сжал его ладонь в крепком, мужском рукопожатии. — Мы рассчитываем на тебя.

Это было бесспорным признанием. Витя лучезарно улыбнулся — впервые настолько счастливо с момента отъезда из дома.

Глава 4. Кружок сухопутных крыс

После тихого часа всегда нужно спешить на полдник, потом на кружки и секции. Девчонки в палате Леры заплетают друг другу косички, хихикают о чём-то, и Оля с ними. Лера, чувствуя себя сонной мухой, аккуратно заправляет кровать. Нос щекочет пушинка, залетевшая в окно, и Лера чихает.

— Будь здорова! — улыбается Оля.

— Спасибо, — Лера оборачивается к соседкам, и вдруг натыкается на маячащего в дверном проёме Лазарева.

Он злобно щурится и что-то калякает в тетрадке. По спине пробегают мурашки. Соловьёва проносится мимо грубияна к лестнице, едва не задев мальчишку плечом, отчего тот шарахается в сторону, и выбегает на улицу.

“Дурак!”

Точно ястреб нависает. Зато сон как рукой сняло...

В беседке напротив корпуса машет рукой Паша, ненавязчиво подзывая Леру. Соловьёва не хотела бы отвечать на приевшиеся вопросы о самочувствии и не обижают ли ребята. Она всё равно всегда говорит, что всё хорошо. Но добрые, лучистые глаза вожатого вызывают доверие, да и Оля рассказывала, что Паша понимающий, может выслушать и дать совет, но в душу не полезет, если сама не захочешь.

Лера всё же идёт к вожатому.

* * *

Теоретические занятия для начинающих яхтсменов первого и второго отрядов начались в 16:30 после полдника. Тимур с командой отправился согласовывать расписание тренировок, а Витя, всё ещё окрылённый предложением Королёва присоединиться к команде, прибежал к учебным классам сильно раньше начала.

Территория “Медведицы” была поделена шестью улицами-просеками на секторы. Просеки отходили от центральной площади Ленина и дальше соединялись с улицей Радиальной. Первая просека вела к жилым корпусам, вторая — к столовой с пристройкой-клубом для дискотек, третья (Лесная), огибая эстраду, уходила в парк и выводила путника к беседке ветров. Считалось, что откуда открывается лучший вид на море. Четвёртая и пятые просеки (Главная и Кипарисная) вели на пляж, а шестая — к администрации, медпункту и помещению хозбыта — то было обителью Петровича. Ворчливый старик доходчиво объяснил Вите в первый же день, куда малец отправится, если посмеет поцарапать или чего доброго сломать что-то в палате. Впрочем, с подозрением он относился абсолютно ко всем. Даже вожатые его остерегались, хотя и посмеивались украдкой.

К учебным классам, где обустроилась стенгазета, фотокружок, проводились творческие мастер-классы, и собирался яхт-клуб можно было добраться по Кипарисной просеке.

Ступени тихо скрипели под ногами, пока Витя поднимался на второй этаж штаба яхт-клуба. Задержавшись на балкончике перед входом, парень кинул взгляд на ровный строй яхт у берега, и решительно шагнул в узкий коридор. Сначала показалось, что он попал в баню. Двухэтажный домик, построенный для теоретических занятий и собраний, был сложен из соснового бруса. Изнутри стены покрывала светлая вагонка. Несмотря на тень, воздух в помещении оставался неподвижным и густым. Стены и шиферная крыша впитали дневной зной и теперь медленно и неумолимо выдыхали его внутрь помещений.

— Как я могла забыть, Наташ? Это же просто нелепо!

Витя остановился на полпути к классу в нерешительности. Судя по тону, он немного не вовремя и лучше не мешаться под ногами.

— Ириш, я и не думала, что ты не знаешь, иначе бы обязательно сказала...

— Я и не виню тебя, — твёрдо заявила незнакомка.

А вот Витя почему-то сомневался в её словах.

— Конечно, это совершенно очевидно любому здравомыслящему человеку, что меня не допустят инструктором на яхту! — раздражённо протараторила девушка и обречённо добавила, — Я ведь несовершеннолетняя видите ли...

— Никто не считает, что ты не справишься, но ты же знаешь, что не можешь нести полную юридическую ответственность за детей...

— Разумеется, я всё понимаю!

В классе повисла тишина.

Не дождавшись продолжения диалога, Витя аккуратно заглянул в дверной проём, одновременно оставаясь в полутьме коридора, резко контрастирующей со светлым помещением.

Сердито сложив руки на груди, у меловой доски стояла вожатая, в которой Витя узнал вчерашнюю стукачку. Вот это не повезло! Хорошее настроение поутихло: не хотелось снова иметь дело с этой выскочкой, из-за которой его перед всем отрядом отчитали. А Витя разве виноват, что вещи передать пришёл к сестре? И какая разница, что после отбоя? В “Цветке” его бы не наказали.

Хмурое, сосредоточенное лицо Стукачки и её сведённые брови на фоне летнего буйства красок выглядели будто из другой истории, инородно. Перед ней прямо на парте сидела вторая вожатая — кудрявая, как барашек.

— И Наташ, слезай наконец с парты. Мне смотреть больно, — поморщилась Стукачка.

— Вот видишь, ты уже как училка говоришь! Тебе же идеально подходит эта должность! — звонко, словно колокольчик, рассмеялась Кудряшка.

Смелая она, вот Витя бы не стал перечить Стукачке, ещё обвинит в антисоветском поведении! Он слышал разговоры малышни в столовой, как эта вожатая строит отряд и пресекает любое веселье. Точнее пытается.

— Я вырвалась в “Медведицу” и так хотела помогать ре-

бятам на яхте. Думала, вспомню своё детство здесь... А в итоге буду в этом душном классе проводить скучные уроки для скучающих детей, — хмуро протянула Стукачка.

Витя тихо усмехнулся: эта девчонка его на пару лет старше, ещё сама в школе учится, а воображает себя самой взрослой и умной! Детство она вспомнить хотела, видите ли!

— Ир, ну ты совсем раскисла! — возмутилась Кудряшка. — Я тебя не узнаю. Где твоё желание менять мир к лучшему? Почему ты даже не допускаешь мысль, что сможешь заинтересовать ребят?

Стукачка упрямо мотнула головой.

— Как будто ты сама не помнишь, что подавляющее большинство детей из старших отрядов, которые приходят учить теорию, абсолютно безнадёжны — который год одно и то же слушают, а сдать не могут. Лентяи вообще здесь могут прогуливать, заниматься своими делами или просто болтать!

Не найдя опровергающих аргументов, Кудряшка повернулась к окну, распахнула его шире, запуская в класс свежий воздух.

— Если бы я только подумала заранее, попросилась бы на другую должность, — Стукачка тоже подошла к окну, и Витя прижался ближе к двери, чтобы лучше слышать, — может, к тебе бы в стенгазету пошла.

Из класса потянул сквозняк. Ветерок лизнул прохладой Витин взмокший лоб.

Кудряшка совсем по-сестрински пригладила растрепав-

шиеся от ветра Стукачкины русые пряди:

— Всего двенадцать занятий, Ирка. Ты справишься! А на яхте мы с тобой обязательно выйдем в бухту, как же без этого?

— Было бы время, — вымученно улыбнулась Стукачка.

— Ладно, ты тут собирайся с мыслями и не грусти, а я побегу к своим ребятам. Сроки как всегда горят, уже завтра газета должна красоваться в столовой!

Наташа направилась к двери, Витя, чуть не подавившись, отшатнулся в начало коридора. Не хватало ещё быть пойманным на подслушивании!

Наташа пронеслась мимо Вити, оставив шлейф цветочных духов и лака для волос. Парень немного выждал и, когда лестница заскрипела под ногами других ребят, отправился в класс.

Витя расположился за третьей — предпоследней — партой у окна, украдкой разглядывая назначенную его группе учительницу. Если её вообще можно было так назвать.

Вожатая успела повесить плакаты со схемами строения двух яхт и хмуро листала какой-то толстенный учебник. На краю стола появилась коробочка с мелом и тряпка. Витю аж передёрнуло:

“И летом учиться придётся...”

Парень отвернулся к окну, с тоской поглядывая на волны. Где-то там, на просторе, и Тимур, на своём “Пассате”. Скорее бы сдать теорию и присоединиться к товарищам! Класс

тем временем наполнился начинающими яхтсменами.

— Здравствуйте, товарищи пионеры, — вожатая обвела взглядом кабинет. Хотя бы в начале занятия все внимательно слушали. — Меня зовут Ира, и, как вы уже догадались, моя задача — подготовить вас к успешной сдаче теоретического зачёта на знание основ парусного спорта. После сдачи зачёта вы сможете перейти к практике. Общую теорию мы будем изучать по учебнику Леонтьева: аэродинамика паруса, курсы относительно ветра, лоция, правила расхождения судов и так далее. Также мы уделим немалое внимание букварю яхтсмена Коровельского — детально разберём устройство швертбота класса “Кадет”.

Витя охотно сделал заметку в тетради, чтобы почитать учебники на тихом часе.

— Швертботом называется яхта с лёгким выдвижным килем — швертом, он выполнен из металла или дерева. То есть шверт предотвращает снос боковым ветром, но из-за лёгкости не спасает от переворота, если вы не будете откренивать в сторону противоположную направлению ветра.

Ира двинулась дальше, но на полуслове её прервал Витин соотрядник Олег, смутившись, он запоздало поднял руку:

— Ира, прости... те... Из самого термина “откренивать” следует, что мы должны создавать крен?

— Это значит, не высунетесь за борт во время — искупаетесь и завалите зачёт. Нужно компенсировать крен, а не создавать его, — важно разъяснила Ира.

Олег увлечённо записал объяснение, а вожатая продолжила:

— Преимущество шверта в возможности его поднять — в отличие от килевых яхт, швертботы могут подходить почти вплотную в берегу.

Ира указала на схемы на доске:

— Для начала познакомимся с устройством простейших яхт. Перед вами строение “Оптимиста” — одноместного швертбота, на котором вам по возрасту уже поздно ходить. Но на его примере удобно изучать азы парусного спорта. Также мы рассмотрим “Кадет”. Это уже двухместный швертбот, строение которого, — Ира задержала взгляд на четвёрке парней из второго отряда, которые в открытую шелестели журналом “Юный физик”, — вам особенно важно знать, ведь дальнейшее обучение будет проходить именно на этом классе яхт.

Витя старался успевать записывать за вожатой, движимый энтузиазмом поскорее заучить морскую науку.

— Поговорим о системе яхтенных званий. Юный рулевой: до 16 лет, для получения звания нужно сдать теоретический зачёт и практический экзамен на малых швертботах классов “Оптимист” и “Кадет”. Даёт право на управление спортивным швертботом в светлое время суток при видимости берега и под надзором тренера. Яхтенный рулевой 2-го класса: с 16 лет. Критерии получения следующие: Стаж плавания матросом не менее одного навигационного периода, прохож-

дение теоретического курса, сдача экзамена квалификационной комиссии. Звание даёт право на управление яхтой с площадью парусов до 22–30 квадратных метров в прибрежной зоне.

Далее последовала сводка о званиях яхтенного рулевого 1 класса и капитана. Через десять минут заинтересованных в теме можно было пересчитать по пальцам одной руки. Даже если бы парочки не хватало. Ира, шелестя плотными страницами Леонтьева, диктовала термины и определения, изредка подходя к той или иной схеме и наглядно показывая объект.

— На судне нет “лево” и “право”, вместо них используют “бакборт” и “штирборт”.

— Бак-борт... и штир-борт... — бормотал Олег, почти прижимаясь носом к тетради. Его очки в массивной оправе то и дело сползали, и парень нехотя прерывался, торопливо подтягивая их обратно.

— Записали? Теперь рангоут. Это всё, что держит паруса: мачта — главная вертикальная опора, гик — горизонтальная балка, к которой крепится нижняя часть паруса, — Ира предупреждающе постучала указкой по столу, сверля тяжёлым взглядом переговаривающихся юных физиков. — И наконец спинакер-гик. На “Оптимистах” вооружение шпринтовое, парус расправляет диагональный шпринт. На “Кадетах” же вооружение бермудское, верхний угол треугольного паруса тянется прямо к топу мачты. Зато на “Кадете” есть спинакер-гик — тонкая трубка, которую устанавливают для

крепления дополнительного паруса спинакера, он для хода по ветру.

Витя пытался заставить веки не слипаться, но тяжёлая голова то и дело норовила удариться о стол. С другого конца класса доносился приглушённый храп: Матвей, умявший тройную порцию коржиков на полднике, видел десятый сон. Вероятно, про беспроигрышные шахматные стратегии. Парень выставил перед собой книгу в качестве защиты от взгляда вожатой, но Витя подозревал, что Ира всё же заметила неладное. Юные физики тихо переговариваясь над своим журналом. Зачем они только записались в этот кружок, раз не особо интересуются яхтами? Занимались бы своими изобретениями где-нибудь в другом месте. Пара парней и девчонок слушали лекцию, правда вполуха, и гораздо больше интересовались трещинками на столе, складывающимися в причудливый узор или своими мыслями. Хотя некоторые девочки даже записывали. Единственный, кого всё ещё заботил урок, был Олег. Он шустро рисовал в тетради схемы, точно по линейке, и с огромным удовольствием и аккуратностью выполнял подписи.

Витя с силой ущипнул себя за руку, пытаясь заставить мозг проснуться.

— Ай! — прошипел Соловьёв.

Ира с подозрением осмотрела класс, но быстро вернулась к учебнику. Кажется, она старательно не замечала скуку своих слушателей и продолжала следовать по заготовленным

рельсам.

— Рулевой является единоначальником на судне. Его распоряжения выполняются матросами беспрекословно и немедленно

“Наверное, Тимур — прирождённый рулевой: его и на суше слушаются...”

Витя выполнил чертёж “Кадета” аккуратными штрихами карандаша. Получилось весьма неплохо. Отец, работающий механиком на железной дороге, учил сына черчению, и у Вити, определённо, имелись способности.

К концу отведённых на лекцию полутора часов парень валялся на парте, прожигая взглядом толстый учебник по парусному спорту в руках вожатой. Досада жгла грудь: столько времени потрачено впустую! Да он за то же время занятия успел бы пол книги прочесть, а эта Ира еле диктует! Так Витя никогда не попадёт в команду Тимура!

“Нет, эта Ира не Стукачка, а Методичка ходячая. Скука смертная...”

Это был какой-то цирк! Витя снова оглядел своих собратьев по несчастью: все собравшиеся кроме него совсем не горели желанием выйти в море, по ним же видно! Безнадёга, а не группа. Ещё ведь говорили так красиво! Прослушаете теорию, сдадите зачёт, отправитесь практиковаться Какие-то занятия ради видимости. Витя чувствовал, как с каждой минутой он вязнет на суше, а Тимур всё дальше уходит в море. Нужно что-то предпринять!

Тем временем занятие закончилось, и, стоило Ире попрощаться с учениками, класс за минуту опустел. Витя с излишней скрупулёзностью засовывал единственный карандаш в карман и осторожно закрывал тетрадь. Как только последний за исключением Вити пионер вприпрыжку выскочил за дверь, парень направился к учительскому столу.

— Здравствуйте, — решил он начать вежливо, хотя к вожатым обычно обращались на “ты”.

Ира обернулась и с лёгким недоумением взглянула на Витю.

— А, Соловьёв. Что ты хотел?

“Узнала меня”.

— Если я всю теорию, — Витя кивнул на толстый учебник, — выучу раньше окончания занятий, получится досрочно сдать зачёт?

Девчонка скептически нахмурилась.

— К чему такая спешка? Если даже у тебя получится, ты не сможешь начать заниматься на “Кадете” раньше других. Придётся подождать, пока зачёт пройдёт для всех.

— Это не будет проблемой. Меня ждут в команде, — Витя даже немного расправил плечи, чувствуя себя невероятно успешным.

— Неужели? Здорово, что в вашей группе нашёлся ещё один человек, кроме Олега, небезразличный к парусному спорту, — хмыкнула Ира. — Глядя на твоё сонное лицо на занятии, я и не предполагала, что ты заинтересован в сдаче

зачёта.

Вите показалось, что Ира не настроена идти навстречу, но он не отступит так просто.

— Просто все эти термины могут быть немного... Скучными...

Витя с досадой прикусил язык, осознав, что, возможно, перешёл черту, но Ира не спешила злиться.

— Теория — основа практики, ты должен понимать. И если тебе интересна моя позиция, никому не будет приятно распинаться перед неблагодарными слушателями, — в глазах вожатой блеснула обида. — Я даже не планировала преподавать вам, — добавила она еле слышно.

— А как же заинтересовать учеников? — отчего-то не промолчал Витя.

— В отличие от школы, вы здесь добровольно. Если неинтересно — можете не ходить, — прищурилась Ира.

— Мне кажется, если бы вы рассказывали по-другому как-нибудь, ребята бы тоже заинтересовались — промямлил Витя, вообще не понимая, каким образом ступил на эту опасную дорожку. — В любом случае я конечно понимаю, что без теории не освоить практику...

Ему бы не Иру эту поучать, а со своей проблемой разобраться.

— Знаешь, Соловьёв, не умничай мне тут! — стальным голосом прервала Витю Ира. — Сегодня аномально жаркий день, конечно сидеть в душном классе неприятно. В следую-

щий раз в более комфортных условиях и заинтересованность будет выше.

Казалось, Ира сама не верила своим словам, но Витя решил не спорить.

— Хорошо... А что всё-таки насчёт моей ситуации?

Вожатая задумалась на минуту, придирчиво сканируя Витю с головы до ног. Парень покорно вытянул руки вдоль тела и даже старался лишний раз не дышать.

— Придёшь ко мне после завтрашнего занятия и расскажешь выученный материал, — Ира выписала на листок несколько тем и протянула Вите. — Не менее того, что будем изучать. Тогда я приму окончательное решение.

— Спасибо! — Витя радостно схватил листок и выскочил за дверь.

Соловьёв думал, возомнившая о себе невесть что, неопытная вожатая сразу прогонит его, но Ира оказалась не такой уж и злобной. Осталось взять в лагерной библиотеке нужные учебники, и Вите ничто не помешает вызубрить каждую страницу в считанные дни и сдать зачёт.

Глава 5. Игра в дураков и Короля

После завтрака все отряды отправились на пляж. Успевшая раскалиться галька предупреждающе кусает ступни зазевавшихся ребят. Зато какое удовольствие забегать в воду!

Над головами купающихся то и дело гремят предупреждения из “Таблетки” — медико-спасательного пункта. Цилиндрическое светлое здание с шапочкой-надстройкой, помеченной красным крестом, позволяет спасателям видеть всю береговую линию как на ладони. Также она служит границей между пляжем “Медведицы” и городским. Главная по безопасности на воде — Лидия Степановна — имеет глаз орла, огромный красный рупор и не знает пощады.

— Зелёные плавки! Не нырять! Морозов! Хватит мух глотать, следи за своими разбойниками! — таблетка надрывается, извергая поток предупреждений.

Оля заливисто смеётся, Лера тоже хихикает, глядя на насупившегося Ваню Морозова — вожатого шестого отряда. Вода Соловьёвой немного выше пояса — дальше заходить не разрешают, но даже этот кусочек огромной стихии кажется чудом!

* * *

Компания Тимура собралась в тени тента, заняв место

чуть вдали от остальных: по обыкновению лучшее. Здесь не мельтешила малышня, тень с течением времени почти не убегала, а главное, никто не грел любопытные уши. Витю позвали с собой, и теперь он ловил каждое слово беседы, сам пока помалкивая.

— К нам в лабораторию “Электронику-60М” завезли, — небрежно поделился Тимур, словно делая одолжение слушателям. — Хорошая вещь! На судах такие для обработки данных с разных датчиков служат.

Родители Тимура, как и подавляющего большинства отдыхающих в “Медведице” ребят, работали в НИИ физики.

Кабан мечтательно прищурился:

— Здорово! Вот бы и нам такую смастерить для “Пассата”!

Вальяжно устроившийся на гальке Шипа скептически хмыкнул, не открывая глаз:

— Темнота ты, Кабан. Как, по-твоему, мы ЭВМ соберём? Это вообще-то сложно устроенный научный прибор!

В кругу своих имена использовались редко: у каждого была кличка, которую получали за качество характера или талант. Если... когда Витю окончательно примут в компанию, его тоже наградят прозвищем.

— Ну как-то же их собирают, — насупился Кабан.

— А у меня папа механиком на железнодорожных путях работает, — решился попробовать влиться в разговор Витя. — У него мегаомметр есть. Слыхали про такой?

— Скучно у тебя, Соловьёв, — снова включил скептика Шипа. — Гайки закручивать, да уголь в топку подкидывать...

— Теоретики без практиков — болтуны обыкновенные, — наставительно изрёк Тимур, оглядывая горизонт.

— Это правда! — подхватил Костя. — Витёк, ты расскажи нам про свой мегаомметр, то.

Его кликали Ангел, так чисто и броско — цепляло, особенно девчонок. Беседа лениво продолжалась, но создавалось впечатление, что каждый чего-то ждёт. Сначала Вите оставалось гадать, чего именно. Но как только первая группа детей отправилась купаться, и вожатые отвлеклись, Тимур едва уловимо кивнул черноволосому, манерному товарищу:

— Граф, доставай.

Тот с готовностью вытянул из-за пояса припрятанную колоду карт: не простых “Атласных” с геометрической сеточкой на рубашке, а в русском стиле — особая коллекция, прототипами для валетов, дам и королей которой стали участники бала к трёхсотлетию дома Романовых. Витя с восхищением загляделся на них. Короли в мехах и кокетливые дамы в ярких кокошниках слепили глянцем сквозь жаркое марево над галькой. Обычные со временем разбухали от сырости, ломались по краям, карты Графа же были как новенькие. Парень принялся играючи тасовать колоду.

— Кто в деле?

— Я, Ангел, Шипа... — назначал Тимур. Его оценивающий взгляд дошёл до новичка. — Витёк.

— Да... Давайте! — Витя вмиг подорвался ближе.

Уж в карты он играл вполне недурно. Дома они с товарищами со двора часто собирались у старой, почти вросшей в землю, жигули и до темноты рубились в дурака на мелкие желания. Тогда матери начинали звать из окон, и приходилось расходиться.

— Репей, Койот, вы — следующий кон тогда, — распорядился Тимур.

Те приуныли, но спорить, естественно, не стали.

Заняли позиции. Круг игроков возглавлял Тимур, по бокам от него Граф и Ангел, напротив Витя с Шипой. Репей и Койот, расположившись вне круга по бокам от Шипы, словно охранники, буравили Витю недовольными взглядами, но Соловьёв упорно игнорировал их. Его позвал Тимур, какие могут быть вопросы? Пёстрое, в разноцветный цветочек полотенце смотрелось карикатурно на фоне напряжённых, серьёзных лиц ребят. Зато служило идеальной маскировкой азартной игры от вожатых. Совсем на периферии — в паре метров за пределом круга — стояли на шухере шестёрки: Кабан, Зорко и Шустрый.

Первая карта легла перед Тимуром. Граф виртуозно, с тихими щелчками, отправлял каждую в полёт аккурат к игроку.

“Неплохие карты. Тут я точно не протуплю,” — Витя обвёл взглядом соперников.

— Чо за лажа, Граф? Ты их вообще мешал? — ворчал

Шипа, разложив карты веером.

— Играем как есть, — Ангел спокойно выразил молчаливый приказ Тимура.

Граф предложил Тимуру колоду. Пальцы лидера с деланной беззаботностью скользнули по рёбрам карт. Каждый затаил дыхание, в надежде увидеть желаемую масть. Тимур вытянул из середины колоды и, не глядя, повернул карту к остальным. Рука описала круг, демонстрируя козырь, и только после парень мельком взглянул на него сам. Усмехнувшись, констатировал:

— Король пики.

Тёмные глаза Короля блеснули на солнце, и карта легла на поле, устанавливая правила. Король — именно это прозвище принадлежало Тимуру в компании. И его единственного чаще называли по имени. Возможно, потому как не было причины напоминать о его статусе в его же стае.

Тимур махнул рукой Шипе:

— Ходи, Шипка. Пожалеем тебя пока.

Тот молча отправил на Витю пару шестёрок. Новенький отбился мелочью. Тимур подбросил Вите семёрку:

— У нас подкидной и переводной.

Витя молча кивнул, отбиваясь.

— Бито.

Витя отдал на растерзание Ангелу десятку крести, тот, и глазом не моргнув, перевёл на Тимура, а Граф подкинул третью. Тому пришлось взять. “Нечем бить или не желает рас-

ставаться с козырями?” — мелькнуло в голове у Вити. Впрочем, уже через круг Король отбился, а после скинул партию мелких карт на Графа.

Шипа начал атаку на Соловьёва с восьмёрки, тот отмахнулся девяткой. Витя чувствовал, как дышал ему в спину Койот, нагло заглядывая в карты и наверняка специально нагнетая обстановку. Шипа подкинул на поле две девятки. Против выступили Витины валет и дама. Дама Шипы — крести — отчаянно рванула в бой. Витя, взглянув на истощившуюся колоду, оторвал от сердца короля. Шипа чертыхнулся сквозь зубы: бито.

— Приберёг бы на финал, Витёк. Спешишь, — лениво подначивал Тимур, сканируя новичка.

— Неплохо бьёшься, Витька. Не накосячь на финише, — добавил Ангел.

“Не облажаюсь”.

— Шипа, передай карту? — колода чуть съехала, и Витя не мог дотянуться.

Шипа медленно повернул голову к новенькому, его лицо исказилось в недоброй усмешке:

— Для тебя я Шип, малой. Заруби на носу, если не догоняешь.

Воздух под навесом будто стал ещё жарче. Витя замер, чувствуя, как все взгляды — насмешливые, испытующие — скрестились на нём.

— Хорошо, — опустил глаза Витя.

— Последняя осталась, — нетерпеливо бросил Граф, и король невозмутимо вернулся к Тимуру.

Миновали ещё три круга. В руках Тимура последние две карты, как и у Графа. Ангел притаился с одной. Витя с Шипой держали по три. Где-то за периметром кричала в рупор спасательница, волейбольный мяч отскакивал от рук девчонок с гулким стуком. Рассыпались пеной барашки волн, шуршала галька под детскими ногами. Всё это доносилось будто сквозь вату. Здесь, почти касаясь друг друга макушками, склонились над полем противники с картами. Обжигающий азарт струился под кожей.

Король в руках Тимура, туза пики ещё не было, Витя кинул взгляд на ребят: по лицам не понять, это тебе не мелюзга из соседнего подъезда. Койот, почти повизгивая, подпрыгивал за Тимуром, Репью даже пришлось дёрнуть его, немного усмиряя. Кабан и Шустрый давно подобрались ближе, и только Зорко гордо следил за пляжем, оставаясь на посту.

— Ну, ходи, Шипа! — скомандовал Тимур.

Тот, прищурившись и высунув кончик языка, отправил Вите королей буби и черви.

“Отобьюсь!”

Витя, выдохнув, защитился тузом буби и козырной шестёркой. У него останется на руках только валет пики! Скинет, и он победитель. Витя уже потянулся к картам, как по костяшкам скользнула, оставляя острый след, новая карта. Тимур, криво ухмыльнулся. Король. Козырной. Во рту ми-

гом пересохло, Витя с ненавистью уставился на своего мелкого валета. Граф скучающе отвернулся к девчонкам волейболисткам. Шипа оскалился, Койот радостно затанцевал.

“Не дождётесь!”

Это была игра за место под солнцем, Витин шанс показать себя, и он, стиснув зубы, пошёл ва-банк. Витя отправил на поле своего валета.

“Ну же, не подведи!”

— Козырная карта может перевести любую козырную, вне зависимости от достоинства. Сама карта остаётся у игрока, — немеющими губами пробормотал Витя. — Мы так играли.

Пять карт робким движением руки перекочевали к Ангелу. Первым отреагировал Шипа:

— Врёт и не краснеет. Не выкрутишься, малой!

Он сердито хлопнул по полотенцу, даже карты подпрыгнули, и испуганно скрипнула галька под полотенцем. Тимур недовольно цыкнул на Шипа и перевёл взгляд на Витю.

— Играем по-жёсткому, да, Витёк? — По реакции Короля было не отгадать следующий шаг. — У Ангела-то одна карта всего, а ты перевести хочешь

Тимур с напускной задумчивостью прищурился, Витя не отвёл взгляд, отдавая свою судьбу в королевские руки. Казалось, застряли две шестерёнки, отмеряющие время. Игроки замерли перед финальным броском. Бам-бам билось о рёбра сердце. Тук-тук скрипел металл.

“Ну же!”

И вот с тихим скрежетом вердикт был вынесен:

— Бери или переводи, Ангел.

Снова ударил в уши рокот волн, справа недовольно зашипел Шипа.

— Перевожу, — улыбнулся Ангел, выбрасывая козырного туза и переводя уже 6 карт на Тимура.

Ангел вышел победителем. Король, взглянув на напрягшегося Графа, хохотнул:

— Какая неудача, товарищи, мне нечем переводить!

Тимур с азартом сгрёб отыгравшие свою роль карты. В кругу остались он, Граф, Шипа и Витя.

— Дальше по правилам, — строго распорядился Король.

Тимур скинул Графу двух королей, тот отпустил из игры Шипу.

— Вишь, не проиграл, Шипка, а то разнылся, что мешали плохо! — оскалился Королёв и подмигнул новичку. — Ходи, Витёк.

Витя осторожно, словно ожидая подвоха, выложил последнюю карту, валет победоносно окинул взглядом игроков. Последний раз сверкнув копьём, маленький спаситель был погребён под тузом Тимура.

Витя вышел из игры.

— Остались мы с тобой, Граф. Давай-ка по-быстрому.

Пара ходов, и заскучавший в сражении один на один Тимур быстро обыграл Графа. Парни пожали друг другу руки.

— Будем ещё играть? — поинтересовался Репей.

— Искупнёмся пошли, а потом продолжим. Кабан и Шустрый, — ребята притихли, а Тимур хмуро продолжил, — останетесь охранять место. Никто вам не разрешал покидать пост. А ты, Зорко, можешь с нами махнуть, — смягчился он.

Граф припрятал колоду, и ребята покинули поле.

— Что про регату слышно? — Шипа загляделся на яхты, манящие ребят в метрах ста от берега.

— Доложи, Репей, — бросил Тимур. — Успел разузнать что-нибудь?

— Из наших как обычно Фролова команда собирается участвовать, Настя с девочками и ребятами из второго. Ещё Воронцов из второго.

Ребята оживлённо переглянулись.

Тимур тоже выглядел довольным:

— Неплохо, от скуки не загнёмся.

Король неожиданно обернулся к Вите.

— Слушай, Витёк, после ужина приходи к недостройке. На счёт кинофильма не суетись — Ангел отмазал нас у Коваль.

Витя с готовностью кивнул, чувствуя вспыхнувший с новой силой энтузиазм. Кажется, он на верном пути.

Глава 6. Валет — звучит гордо?

В качестве вечернего мероприятия на эстраде крутят “Приключения Электроника”. И хотя большинство ребят уже видели фильм, в общелагерном голосовании выиграл именно он.

В луче света из будки киномеханика мелькают здоровые южные мотыльки, старшие ребята на галёрке амфитеатра то и дело умудряются изобразить руками тень на экране — кинопроектор к ним совсем близко. Кто-то из дружков Лазарева закинул в луч кепку Антона, и теперь тот выслушивает замечания воспитательницы.

“Хорошо, что села подальше от этих хулиганов, Боброву не позавидуешь,” — Лера укоризненно косится на Лазарева.

Лента вдруг заедает, оборвав кадр Электроника, выигравшего в велосипедной гонке и подбрасываемого радостной толпой. Экран вспыхивает белым. Со всех сторон сразу же раздаются свист и выкрики: “Кинщик — сапожник!”

— На раз-два-три кричим все вместе, — объявляет Миша как командир отряда.

— Три! — вопит Петя.

— Кинщик, кино давай! — дружно орёт восьмой.

Ира, беседующая с воспитательницей, неодобрительно хмурится, но веселью не препятствует.

Кинопроектор снова трещит.

— Наконец-то! — радуется Оля, она оказалась большой любительницей кино.

Девочки вместе смеются, наблюдая, как сталкиваются Электроник и Сыроежкин.

* * *

Недостройкой называли четвёртый корпус, который начали строить лет десять назад — чуть больше половины времени существования “Медведицы”. Витя не интересовался, но по какой-то причине его так и не ввели в эксплуатацию. Наспех уложили какую-никакую крышу, да заколотили окна первого этажа, чтобы никто не лазил. Вокруг недостроя разрослась трава и кусты, через которые проходила незаметная для глаза незнающего человека тропинка. По ней в вечерних сумерках ребята провели Витю к секретной поляне. Напротив затянутого плющом крыльца трава была примята. С тихим щелчком фонарика, пространство озарилось мягким светом. Граф притащил заграничные конфеты и жевачки: его отец всегда привозил сувениры и гостинцы из командировок. А ещё в потайном кармане олимпийки была заготовлена пачка “Космоса” — то, ради чего компания собралась в тайном месте. Витя не курил, поэтому ему оставалось молча сидеть в сторонке, подальше от дыма.

— А ты не будешь, Витёк? — Тимур, выдохнув дым по ветру, подкинул и ловко поймал сигарету.

— Да я не увлекаюсь как-то, — протянул Витя.

— Ну как знаешь, — хмыкнул Тимур.

— Если из-за вожатых трусишь, тут хвои куча, — доверительно объяснил Ангел, махнув рукой на сосны. — Пальцы натрём, у Графа жевачки мятные, ядрёные, да и ночь сегодня свежая. Одежда не пропахнет, если дымить по ветру.

Витя неопределённо мотнул головой, и его оставили в покое.

— Пацаны, мы на танцы завтра мылимся? — как бы невзначай поинтересовался Граф.

— А чего это ты вдруг засуетился? Нинка нашептала? — Шипа насмешливо прищурился сквозь дым. — Сегодня на пляже как перед тобой выплясывала, пока они в волейбол гоняли: и так мяч подаст, и этак отобьёт!

Сигарета в руках Графа сломалась пополам, рассыпая крошки табака на олимпийку.

— Ты рот не разевай попусту. За трёп и в зубы получить можно, — в подтверждение парень угрожающе размял кисти рук.

Витя боязливо переступил с ноги на ногу, поглядывая на парня. Втайне он радовался, что на месте Шипы не он.

Задира только пожал плечами:

— Чо ты закипел сразу? Я же как друг тебе совет даю: Нинка не твоего полёта птица.

Лицо Графа потемнело. Назревала привлекающая лишнее внимание стычка, и Тимур решил вмешаться:

— Тьфу, бестолочи, — лениво протянул Король. — Из-за какой-то девчонки цапаетесь. Обсуждаете их с утра до ночи, а потом у ваших Нинок самомнение выше мачты.

— А ты сам-то идёшь на танцы? — поддержал смену темы Ангел, до этого молча наблюдающей за спором под боком у Тимура. Не стоило поднимать шум — чуть что вожатые ведь вмиг сбегутся.

— Пойду, естественно, — отрезал Королёв. — Мишка говорил, кассеты привёз новые. Заценим. Да и за вами прослежу, чтоб ерунды не творили.

Чуть помолчали. Со стороны эстрады доносились смех, перекликания ребят и отголоски шипения кинопроектора — видимо, зажевал плёнку.

— Кинщик — сапожник! — довольно взвизгнул Койот, от восторга даже крутанувшись на месте.

— Будто ты с кинолентой лучше бы справился, — хохотнул Кабан.

— Успокойся, Койот, от тебя голова пухнет, — Репей привычно дёрнул товарища за край футболки, усаживая на крыльцо.

— А мне Надя подмигнула на пляже, — хвастливо объявил Шипа, всё ещё с издёвкой поглядывая на Графа, — как думаете, получится захомутать?

Тимур выпустил дым, усмехнувшись:

— Ей просто в глаз песок попал, так что не обольщайся. Романтик!

— На всё у тебя, Тимур, один ответ! — насупился Шипа и тут же переключился на человека попроще. — Витёк, а ты про свою даму сердца нам поведаешь? Приглянулся кто-то? Признавайся давай, всем интересно!

Ребята засмеялись. Витя, скучающий в стороне, совсем смутился.

— Нет у меня никого на примете, — он выпрямился, и по-деловому расправил плечи. — Не до девчонок мне, других забот полно.

— Вы посмотрите, сколько важности в нём, — фыркнул Шипа.

— Чего ты лезешь к нему, борзым себя возомнил? — Тимур прописал товарищу лёгкий подзатыльник, хотя и сам усмехнулся. — Витька у нас малой ещё, какие ему девчонки?

— Малой! Малышам на горшок и спать давно пора! — снова залаял Койот, и на этот раз его не стали затыкать.

Король почесал щёку, что-то прикидывая:

— Слушай, Вить, иди-ка до эстрады сбегай. Глянешь, сколько там ещё осталось, если долго — кинцо посмотришь. Всё равно ты не дымишь. Лады?

Витя обвёл взглядом ребят, как-то особенно гармонично вписывающихся в эту дымовую атмосферу. На фоне запустения недостройки компания представляла мрачное зрелище. И при этом ребята выглядели взрослее: тени от фонарика добавляли лицам серьёзности, в глазах каждого — чёткое понимание своего места и роли в этой жизни. Соловьёв от-

вернулся: его мягкое и противно наивное личико наверняка смотрелось ужасно глупо.

— Хорошо, — поникнув, Витя сделал пару шагов к кустам, куда уходила еле заметная тропинка.

Скрывшись за ветвями, зашагал быстрее, чувствуя как горят щёки.

Над головой в ночном холоде безразлично шумели ветви деревьев. Сдвоенная сосновая иголка насмешливо кольнула макушку. Темно и сыро. Штанины промокли от росы и неприятно липли к икрам. Витя резко замер, за спиной — ни звука. Неужели никто не окликнет? Его только что выгнали из компании? Нашли повод спровадить, чтобы не путался под ногами. Парень продолжил медленно продираться сквозь заросли, едва различая тропинку в высокой траве. Грудь защемило в непонятной тоске, когда до ушей долетел приглушённый смех. Там, на крыльце недостройки в тёплом круге фонарного света собрались плечом к плечу друзья. Проверенные временем. Свои. Да, порой наглые, ироничные, но с тем самым огнём и уверенностью в глазах, которых Витя в себе не находил.

Товарищи остались в “Каменном цветке”, там всё было просто и знакомо. Одного Витю забросили в далёкий край. И если Тимур по неведомой причине разглядел в нём равного, вручая Вите шанс не томиться всю смену на задворках, разве он мог упустить этот подарок судьбы? Витя чувствовал: сдастся и уйдёт сейчас — дороги назад не будет. Либо

он вернётся и докажет, что вовсе не малой и не трус, что он часть компании, либо так и останется чужаком.

Мир вокруг замер, ноги не слушались, и только сердце металось, гулко отмеряя секунды под рёбрами. Руки сжались в кулаки так, что ногти впились в кожу. Его ладони почти мягкие, без несходящих мозолей и намертво въевшихся пятен масла — совсем не такие, как у Тимура и ребят. Витя медленно развернулся. В голове вдруг стало тихо пусто, словно чувства разом притупились. Он зашагал обратно, прямо на свет.

— Витёк? Шухер что ли? — ребята разом напряглись, завидев возвращающегося Соловьёва. Тлеющие огоньки попрятались в кулаки, кто-то поспешно отбросил улику в траву.

Витя замер перед крыльцом, на котором возвышалась компания.

— Дайте мне тоже “Космос”, — Витя с застывшими, почти безучастными глазами обратился к Графу.

Кто-то удивлённо переспросил, но Витя не мог разобрать. Граф, снисходительно кивнув, щедро протянул полупустую пачку:

— На, бери хоть две.

Витя подрагивающими пальцами вытянул ближайшую. Тимур, единственный не спрятавший сигарету при виде Соловьёва, откровенно забавлялся, наблюдая за разворачивающейся сценой:

— Уверен, Витёк? Мать-то не заругает?

— Не мамкино это дело, — глухим, будто чужим голосом отбился Витя.

Щёлкнула зажигалка. Витя не стал медлить. Под испытующими взглядами ребят он механически поднёс сигарету к губам и вдохнул дым.

Над головами раскинулось иссиня-чёрное небо, усыпанное точками звёзд. Бездушные небесные светила молчаливо мерцали. Витя холодно сдержал кашель и снова затянулся. Губы дёрнулись в злой насмешке: “Не напрасно тренировался, получается?” Кто-то одобрительно сжал ему руку, кто-то хлопнул по спине, Витя снова один из них. Больше не малой. Свой. “Надолго ли? Что будет дальше?” — назойливо шептал внутренний голос.

Едкий горячий дым впивался в горло. Удушающий и мерзкий. Кажется, Витя улыбался и даже пытался шутить, кажется, ребята теперь смеялись не над, а вместе с ним. Только одновременно с вспыхивающими снова и снова крупицами табака в груди разрасталось уродливое отвращение.

* * *

В тот вечерний час сквер гудел голосами, но у самого забора за обвитой хмелем беседкой было тихо. Туда и направились Матвей и Дима — старшие двоюродные братья Витьки, приехавшие погостить. Соловьёв семенил следом, ста-

раясь не отставать. Братья жили в посёлке под Свердловском, были по-настоящему свободными и крутыми в отличие от школьных товарищей.

Матвей привычно, с ленцой, затягивался, нисколько не кривясь. Дима с серьёзно сведёнными бровями пересчитывал сигареты в портсигаре с самодельной гравировкой. Ну а Витька сновал рядом и внимательно наблюдал за каждым их действием.

— На, Витёк, докажи, что не маменькин сынок, — Матвей вложил в протянутую Витькину руку, словно мелочь попрошайке, куцый окурок. Табака в нём почти не осталось. Соловьёв осторожно принял подачку.

Маму Витька очень любил и её сыном быть не стеснялся, но зачем ему спорить с братьями, если наоборот отчаянно хочется играть и гулять с ними? Мальчик резко вдохнул дым и тут же позорно закашлялся. Бычок выскользнул из пальцев и исчез в траве.

Матвей с Димой переглянулись и зашлись в обидном хохоте.

— Неумёха ты, Вить, зря только добро на тебя потратил, — Матвей захлопнул портсигар. — Пошли, Дим, чего с ним возиться.

Несмотря на всю робость в общении, Витька рос решительным. На следующий же день он раздобыл пачку дешёвых “Астр” без фильтра и отправился за гаражи. Глаза резало, Витька кашлял до хрипоты, но снова и снова чир-

кал зажигалкой, пока от дешёвой махорки и жжёной бумаги двор не покрылся чёрными пятнами.

Очнулся в палате, полной таких же неблагополучных детей. Запах хлора раздражал воспалённую слизистую, и Витька то и дело морщился. Мать плакала навзрыд, невнятно ругаясь, а отец разочарованно отвернулся и сунул врачу купюры, чтобы инцидент не вносили в личное дело. Домой его решили не забирать сразу, чтобы "вспомнил, как быть нормальным человеком". С братьями Витька больше не общался, а чувство униженности намертво отпечаталось в памяти.

* * *

Витя выдохнул облако сизого дыма. Голова немного кружилась, но он держался ровно.

— Витёк, ты чего застыл? — Шипа помахал перед Витиным застывшим лицом. — Скажи, "Космос" — реально космос?

— Да, что надо! — широко улыбнулся Витя и снова поднёс сигарету к губам, поймав на себе ободряющий взгляд Тимура.

Ночью в больнице, спрятавшись под тонким одеялом и глотая злые слёзы, Витя клялся, что больше никогда не возьмёт в руки эту отраву с колким названием никотин. И сейчас, добровольно затягиваясь за корпусом, он чувствовал,

что предал самого себя.

Витя не помнил как, но оказался на крыльце, рядом с Тимуром, а остальные ребята размытыми силуэтами, запрокинув головы, стояли внизу. Тяжёлые руки Короля легли на плечи, придавливая к камню под ногами.

— С этого момента Витя Соловьёв ты для папки, мамки да для девчонок. Отныне для нас ты — Валет.

Валет. Новое имя клеймом легло между лопаток. Тот смелый, отчаянный валет, который осмелился бросить вызов королю, проиграл себе.

— Не предай, не подведи, — голос Тимура теперь звучал почти по-отечески. — Отныне ты — часть общего дела, часть нашей команды. Ты за нас горой — и мы спину прикроем.

Словно сквозь толстый слой ваты раздались аплодисменты. Витя, как полагалось, растянул губы в широкой улыбки так, что почти свело мышцы. Нет, пожалуй, это улыбался Валет.

Вскоре затушили сигареты, Граф раздал всем по две жвачки, и ребята, оживлённо переговариваясь, отправились в корпус. Из тумана Витю вырвал только рассерженный голос чужой вожатой: парни из третьего, с которыми он жил, пожаловались на подозрительный запах и поведение старшего соседа. Его схватили за воротник, куда-то потащили, а Витя и не сопротивлялся, только пристыженно смотрел в пол.

“Пусть меня лучше исключат из лагеря. Поеду домой.

Только перед родителями стыдно”.

Вскоре на Витю уже ругалась Света, она побежала за ребятами Тимура, которых тоже отпросили с вечернего мероприятия. А от них и не пахло дымом. Только мятой, хвоей да каким-то корабельным маслом, которое Вите тоже вроде всучили, да он обронил стаканчик по пути, погрязнув в разъедавших душу размышлениях.

— Говорю же тебе, мы с “Пассатом” возились, — невозмутимо врал Тимур в лицо вожатой.

— Завтра есть возможность у берега пройтись, натягивали шкоты как следует, паруса осмотрели, — с горящими глазами поделился Ангел.

Света с подозрением окинула взглядом компанию: ребята в лагере бывалые, выговоров не получали. Иногда прогуливают общелагерные мероприятия, но с ними активист Костя — ему-то можно верить.

— Соловьёв, значит, не с вами был? — немного смягчилась Света и снова вцепилась в Витю. — У кого ты эту дрянь взял тогда, признавайся давай!

Витя понял, что никто его не отмажет, Тимур с ребятами вне подозрений, зачем портить репутацию ради него?

— Никто мне ничего не давал, я сам... — Витя отчаянно пытался придумать, откуда у него сигареты.

— С собой привёз? — ахнула Света. — Завтра отправишься к начальнице, решим, как с тобой поступить.

Витя уже смиренно кивал, когда его вырвали из хватки

вожатой крепкие руки.

— Свет, да что ты перекручиваешь всё? — Тимур подтолкнул Витю к своим ребятам, закрывая плечом. — Ты бы сразу сказала, из-за чего весь сыр-бор, а то мы не разобрали, Витёк вон вообще полусонный уже.

— То есть Соловьёв всё же от вас понахватался? — устало уточнила Света.

— Да не было никаких сигарет, Свет! — рассмеялся Тимур. — У берега сыро, мы попросили Витю костерок развести, а он всё возился над ним долго — ветки тоже сырые оказались и только дымили. Вот и пропах.

Кто-то пихнул Витю в бок, и он тупо затараторил:

— Ну да, так всё и было, я вообще не понял спросонья, о чём ты спрашиваешь, а костёр вообще сложно разводить оказалось...

Как нельзя вовремя в холл вышла Ульяна. Вожатая подозвала её:

— Ульян, ты же их отпрашивала с вечернего мероприятия у Миши? Соловьёв с ними был?

Коваль, едва заметно обменявшись с Костей проницательными взглядами, пожала плечами:

— Да, ребята помогли с уборкой актового зала, взамен я освободила их от просмотра кино. Был ли Соловьёв с ними всё время, сказать не могу, но видела его у яхт. И костёр тоже был.

Света продолжала хмуриться, но отступила.

— Расходитесь по палатам. Отбой через десять минут. А за твоим поведением, Соловьёв, я буду наблюдать.

Ребята быстро разошлись, а оставшийся последним Тимур просто и по-доброму улыбнулся Вите:

— И правда, лучше тебе не дымить, Валет. Голова совсем худо варит.

Витя заторможено кивнул. На душе вдруг стало как-то легче — его не бросили. Могли оставить одного, но защитили!

— Теория как, учится? — поинтересовался Тимур.

— Ага, — робко улыбнулся Витя. — Хочу даже досрочно зачёт сдать.

— Даёшь пятилетку за год! — одобрительно хмыкнул Тимур. — Я сразу понял, смекалистый ты пацан.

Тимур небрежно отсалютировал двумя пальцами у виска и отправился в комнату.

— Спокойной, Валет.

— Давай... — Витя тоже побрёл к себе.

Глава 7. Колючие

Четвёртый день смены. С утра на улице стоит уже привычная жара, а в драмкружке, куда записалась Лера во всю проходят репетиции. К середине смены ставят сценки из “Двух капитанов”. В актовом зале пахнет старой краской, вокруг ребята разбились на группы и бубнят реплики, создавая тихий гул. Из распахнутой двери доносится непрекращающийся стрёкот цикад.

Лере доверили роль Кати Татариновой в сцене их с Саней первой встречи. Кать и Сань вообще много — в каждой сцене актёры меняются. Пока Юлия Сергеевна — старшая вожатая и по совместительству руководительница драмкружка — увлечённо вносит правки в игру старших ребят, младшие выбирают костюмы. Тряпок много, и Лера чуть ли не всем телом перевешивается в огромную коробку.

— Долго ещё? — цедит сквозь зубы кто-то за спиной.

И гадать не нужно — снова Лазарев.

— А что? — Лера зло косится на хулигана.

Лазарев смелеет и оттесняет её от коробки.

— Решила весь реквизит перелапать?

— Я не заразная! — вмиг вспыхивает Лера.

Все знают: Лазарева водили к начальнице лагеря. Больше он не обзывает напрямую, по крайней мере не прилюдно. Но презрение и брезгливость из его глаз не стереть.

Стас молчит, а сбоку подтягиваются Лена Новикова и Зина Куликова. Они записались в музыкальный кружок и будут играть на пианино. Лена к тому же будет третьей Катей, в сцене, где Саню играет Лазарев.

— Соловьёва, тебе тоже роль дали? Как замечательно, — недовольно улыбается Новикова. — Мы костюмы пришли выбирать.

— Выбирайте, я вам что, мешаю?

— Нет, — Новикова переглядывается с подругой.

Лера делает шаг к коробке, а ребята резко отступают:

— Но, пожалуйста, стой подальше от нас! Я не хочу заболеть туберкулёзом!

Зина тихо замечает:

— Ира с Пашей сказали, что она здорова.

— А ты верь больше всем подряд, — бросает Лазарев. — Она же выглядит, как полумёртвая!

Лера чувствует себя экспонатом на витрине, к глазам подступают слёзы. Ноги несут её на скамьи перед сценой, где возится с каким-то плакатом Антон. Жаль, что Оля не рядом, она бы точно смогла ответить Лазареву и остальным. Но подруга записалась на занятия в яхт-клуб, и каждый день прибегает сияющая и радостная. Лера быстро устаёт от активностей, иначе бы тоже попробовала

— Стасу бы больше подошла роль Ромашова, — неожиданно обращается к Лере Антон.

Обычно Бобров держался поодаль от остальных. Многие

в отряде дразнили его нюней и хлюпиком, а он не мог дать отпор. Пока ребята были на эстафетах или купались, Антон часто сидел в тени, а однажды после шуток дружков Лазарева даже заплакал.

— Ромашов — сложный персонаж, — выдаёт Лера. — Там надо трусость и подлость играть. Лазарев бы не справился, он же глупый, — разойдясь, добавляет Соловьёва.

— Ему и не нужно играть, — смеётся Антон.

Вскоре Лера и Антон рисуют плакат уже вместе.

* * *

Витя шагнул в учебный класс, как только освободившиеся ребята радостно пронеслись мимо. С утра Тимур позвал его посмотреть на тренировку на “Пассате”, и пока Витя просиживал шорты на пирсе, только сильнее убедился в необходимости скорее сдать зачёт и присоединиться к команде.

Главное соревнование смены — состязания яхтсменов — проводят в самом конце. Сначала соревнуются на “Оптимистах” и “Кадетах”, но весь лагерь ждёт финальный заплыв регаты — выступления опытных команд на яхтах класса “Л-6”. Их было целых четыре штуки на “Медведицу”. И Вите быстрее хотелось присоединиться к тренировкам, чтобы его не выгнали. Соловьёв недоумевал, что такого рассмотрел в нём Тимур, что взял под своё крыло, но, видимо, нечто особенное в Вите было!

Всё оставшееся утро и сон час Витя зубрил термины и схемы из Леонтьева и, кажется, даже преуспел. Учёба всегда давалась ему нелегко, и в школу ходить он не так уж любил, но конкретная цель добавила мотивации. Оставалось отчитаться перед Ирой.

— Привет, я теорию ответить.

— Здравствуй, — Ира резко сматывала учебный плакат. Нахмуренные брови не предвещали хорошего разговора.

"Наверное, недовольна занятием".

— Как успехи с теорией парусного хода?

— Заучил, — не без гордости сообщил Витя.

Ира смерила Витю скептическим взглядом:

— Одного заучивания недостаточно. Важно понимать материал.

Девушка открыла Леонтьева.

— А ещё важнее заинтересованность, — не умолкала Ира.

“Опять будет учебник читать? Правда что ли ничего не знает без книги?”

— Что молчишь, Соловьёв? Как воды в рот набрал. Неужели тебе совсем не интересна логика устройства яхты, например?

Витя опустил глаза, чувствуя, как в груди начинает колоться раздражение.

— К слову, кто в команду тебя взял? Не Кузнецова, случайно?

— Тимур Королёв, — приободрился Витя.

Вожатая кивнула.

— Хорошие ребята, толковые, — со знанием дела отметила Ира. — И с общественной деятельностью помогать не забывают. Костя Белов вон в знаменной группе на открытии смены был! Бери пример с них, Соловьёв. Думаешь, они в своё время тоже *просто заучивали*?

Витя уже не знал, куда деться от этой настырной вожатой.

“И почему эта Ира воспитывать меня вздумала? По школьной привычке решила шефство взять над двоечником-недотёпой?”

— На занятиях тоже просто пишут материал, — пробормотал Витя. — Какая разница, как я учить буду?

— Хорошо, — после небольшой паузы сдалась Ира, не добившись желаемой реакции. — Давай проверим твои знания.

Девушка снова сверилась со страницей учебника и начала опрос:

— Начнём с азов. Почему яхта может идти под острым углом к ветру?

Витя постарался ответить чётко:

— Это за счёт аэродинамической подъёмной силы. На вогнутой стороне паруса давление выше, а на выпуклой ниже... Общая сила давления направлена перпендикулярно... хорде паруса... Киль препятствует сносу, и одна из составляющих этих самых сил толкает яхту вперед!

— На какие же составляющие раскладывается общая си-

ла давления? — Ира пристально смотрела на Витю, словно сканировала на наличие шпаргалок.

— Сила тяги и сила дрейфа, — отчеканил парень.

— Давай конкретнее, за что они отвечают?

— Сила тяги... — Витя точно это учил. — Сила тяги обеспечивает движение, а сила дрейфа сносит яхту в подветренную сторону.

— А почему яхта не может идти строго против ветра?

— В положении левентик, — Витя, внутренне ликуя, использовал заученное морское словечко, — угол атаки ветра на парус равен нулю.

Ира перелистнула страницу учебника и задала новый вопрос:

— Как влияют расположение центра парусности и центра бокового сопротивления на управляемость яхты?

— Центр парусности... Если он на одной вертикали с центром бокового сопротивления, яхта сбалансирована, иначе либо нос яхты разворачивает на ветер, либо яхта уходит под ветер.

Далее последовала серия вопросов почти по каждому термину раздела, Витя справлялся неплохо, пока вопросы не стали сложнее и несколько не отошли от учебника.

— В Леонтьеве этого не было, — насторожился Витя, мысленно готовясь отстаивать свои интересы.

Однако Ира, не желая спорить, кивнула. Девушка захлопнула учебник.

— А ты всё-таки молодец. Заучил! — из её уст слово прозвучало неожиданно обидно.

“Да что эта Ира прицепилась? Заучил да заучил!” — разозлился про себя Соловьёв.

— И без занятий справился, — неожиданно для себя ляпнул Витя.

Ира, уловив явное пренебрежение в голосе, нахмурилась и показушно приосанилась.

— Соловьёв, нужно вести себя более сдержанно, ты всё-таки с вожатой разговариваешь. Тем более, что грубость никогда и никого не красит!

“Вчера в пионерах ходила, а сегодня свысока на людей смотрит?” — внутренне возмутился Витя.

Вот Тимур бы не стал терпеть такое пренебрежительное отношение. Никто из компании Тимура не стал бы! И у Вити тоже есть характер, он тоже может за себя постоять.

— Храп и разговоры на занятиях не красят в том числе учителя, — выпалил Витя, правда, через мгновенье уже отчаянно краснея и обзывая себя всеми известными ругательствами.

Ира оскорблённо поднялась из-за стола, Витя уже представил, как она бежит жаловаться начальнице лагеря на грубияна в группе, а потом всплывает вчерашняя ситуация с сигаретами. Но ситуацию, сам того не ведая, спас Олег. Он заглянул в класс, предварительно постучав:

— Можно? Я, кажется, карандаш забыл.

— Заходи, — хмуро бросила Ира.

Вожатая резко обернулась к Вите:

— Те, кому интересно, будут получать знания, а не искать отговорки. Вот взять хотя бы Смирнова, — тот настороженно покосился на Иру, — человек ловит каждое слово. Он сдаст зачёт первым и на практике тоже преуспеет. Да, Олег?

Олег, уже поспешно направлявшийся к двери, замер и неловко поправил очки, сначала стягивая их, а потом снова надевая на нос.

— Тут такое дело, Ира... Я не собираюсь сдавать зачёт, просто теорию послушать прихожу, — он тут же добавил, словно оправдываясь, — я вообще плаваю плохо, да и вестибулярный аппарат у меня слабый, на каруселях даже тошнит!

Ира застыла с растерянным выражением лица. Вместо неё поинтересовался Витя:

— А зачем ты на занятия тогда ходишь?

— Так интересно же! — искренне удивился Олег. — Тут чистая физика. Перераспределение векторов силы, аэродинамика крыла, работа рычага. Яхта — это же, по сути, сложный инженерный механизм в агрессивной среде! А ходить мне на ней совсем не обязательно, чтобы видеть красоту теории...

Олег вежливо кивнул и бочком вышел из класса, поправляя очки.

Снова осмелев, Витя прыснул в кулак:

— Вот тебе и главный отличник! Плавать не умеет даже. А

я просто хочу на воде знания получать, а не в душном классе.

— Ясно, — тонко улыбнулась Ира. — Спешишь к своей команде. Нет времени на занятия — не страшно, но мог бы выкроить пару минут к сестре заглянуть?

“Лера”.

В калейдоскопе новых впечатлений и переживаний Витя совсем забыл про сестру. Но Ирина попытка задеть его за живое быстро задушила укол совести, и Витя ощетинился в ответ:

— А что, вожатые не справляются со своими отрядами? Леру кто-то обижает?

Ира, уже коря себя за непрофессиональный выпад, окинула парня ледяным взглядом, в котором, впрочем, блеснула обида:

— В моём отряде всё под контролем! Но Лера точно будет рада, если ты к ней заглянешь.

Родители загорелись идеей отправить Витю в лагерь на море, чтобы сестре спокойнее было, и неважно, что он сам боялся неизвестного гораздо больше. В любом случае, Лера ещё маленькая, мало ли что могло происходить в отряде за спиной у вожатых и воспитателей А Витя сосредоточился на своих попытках влиться в компанию.

Ира тем временем направилась к выходу из класса, так ничего не сказав про возможность сдать зачёт раньше. Витя поплёлся следом с несчастным видом.

“Теперь поблажек мне не будет, и навстречу Ира не пой-

дёт!”

Улица встретила привычной лагерной суетой и вечерним теплом, но на душе скреблись кошки. Заветный вопрос предательски крутился на языке, но Витя только сильнее стискивал зубы. На эстраде репетировал музыкальный кружок, у питьевых фонтанчиков выстраивались очереди, из парка вынырнули счастливые участники турклуба с палатками. Витя опустил взгляд в землю.

Так они прошли через всю территорию до самой столовой. У крыльца Ира немного помедлила, и обречённо обернулась:

— После каждой лекции отчитываешься мне об изученном материале. Как только расскажешь последнюю тему, договорюсь о досрочном зачёте. Ясно?

— Ага...

Вожатая уже взлетела по ступенькам и исчезла в здании, а Витя остался стоять на улице, почему-то, вопреки получению желаемого, чувствуя досаду. Может, зря он сердился на Иру? Да, она устраивает в душном классе настоящие пытки, нудно зачитывая определения из учебника. Но Ира хотя бы не настолько вредная, чтобы из мелочности помешать Вите сдать зачёт. К тому же она не просилась на эту должность, просто так назначили.

А с Лерой нужно обязательно увидеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.